

БЕСТСЕЛЛЕР *THE NEW YORK TIMES*

СТИВЕН ПИНКЕР

В защиту разума,
науки, гуманизма
и прогресса

ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Книжные проекты
Дмитрия Землина

Стивен Пинкер
Просвещение продолжается.
В защиту разума, науки,
гуманизма и прогресса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66292460

*Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса: Альпина нон-фикшн; Москва; 2021
ISBN 9785001395362*

Аннотация

Если вам кажется, что мир катится в пропасть, оглянитесь вокруг. Люди теперь живут дольше, они здоровее, свободнее и счастливее, чем когда бы то ни было. В захватывающем дух обзоре состояния человечества в третьем тысячелетии психолог и популяризатор науки Стивен Пинкер призывает нас отвлечься от сенсационных заголовков новостей и катастрофических предсказаний, которые так ловко играют на свойственных нашему мышлению когнитивных искажениях. Вместо этого он предлагает обратиться к цифрам и с помощью семи десятков поразительных графиков демонстрирует невиданный прогресс не только Запада, но и всего мира во всех областях, от здоровья и благосостояния до безопасности, мира и прав человека.

Этот прогресс – не случайность и не результат действия внешних сил. Это дар современному миру от деятелей Просвещения, которые первыми додумались, что знания можно использовать во имя процветания всего человечества. Идеи Просвещения – вовсе не наивные мечтания. Наоборот, они сработали – и это неоспоримый факт. Тем не менее именно сейчас эти идеи особенно нуждаются в нашей защите, поскольку противостоят характерным недостаткам человеческой природы – трайбализму, авторитаризму, демонизации чужаков и магическому мышлению, – которые так нравится эксплуатировать современным демагогам. Да, стоящие перед человечеством проблемы огромны, но все они решаемы, если мы, продолжая дело Просвещения, используем для этого разум, доверяем науке и руководствуемся идеалами гуманизма.

Особенности

Более 70 графиков из почти всех областей человеческой жизни.

Для кого

Для поклонников Стивена Пинкера. Для всех, кто интересуется природой человека. Для тех, кто верит в прогресс, и для тех, кто в нем сомневается.

Больше интересных фактов из книги читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Список иллюстраций	9
Предисловие	14
Часть I	20
Глава 1	28
Глава 2	45
Глава 3	76
Часть II	91
Глава 4	91
Глава 5	124
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Стивен Пинкер
Просвещение
продолжается. В
защиту разума, науки,
гуманизма и прогресса

ENLIGHTENMENT NOW:

THE CASE FOR REASON, SCIENCE, HUMANISM,
AND PROGRESS

STEVEN PINKER

Переводчики Галина Бородина, Светлана Кузнецова

*Научный редактор Кирилл Мартынов, канд. филос. наук
(внесен в реестр иностранных средств массовой информации,
выполняющих функции иностранного агента)*

Редактор Петр Фаворов

Издатель П. Подкосов

Руководитель проекта А. Тарасова

Корректоры О. Петрова, Е. Рудницкая, Е. Сметанникова

Арт-директор Ю. Буга

Компьютерная верстка М. Поташкин

© Steven Pinker, 2018

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Гарри Пинкеру (1928–2015), оптимисту

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зимина» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зимин – основатель компании «Вымпелком» (Beeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время». Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зимина» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru

Всякий, следующий добродетели, желает и другим людям того же блага, к которому сам

стремится.
Бенедикт Спиноза

*Все, что не противоречит законам природы,
достижимо при наличии соответствующих знаний.*
Дэвид Дойч

Список иллюстраций

Рис. 4–1. Эмоциональный настрой новостей, 1945–2010

Рис. 5–1. Ожидаемая продолжительность жизни, 1771–2015

Рис. 5–2. Детская смертность, 1751–2013

Рис. 5–3. Материнская смертность, 1751–2013

Рис. 5–4. Ожидаемая продолжительность жизни, Великобритания, 1701–2013

Рис. 6–1. Детская смертность от инфекционных заболеваний, 2000–2013

Рис. 7–1. Средняя энергетическая ценность дневного рациона, 1700–2013

Рис. 7–2. Задержка роста среди детей, 1966–2014

Рис. 7–3. Недоедание, 1990–2015

Рис. 7–4. Смертность из-за массового голода, 1860–2016

Рис. 8–1. Валовой мировой продукт, 1–2015

Рис. 8–2. ВВП на душу населения, 1600–2015

Рис. 8–3. Распределение доходов в мире, 1800, 1975 и 2015 годы

Рис. 8–4. Крайняя бедность (доля населения), 1820–2015

Рис. 8–5. Крайняя бедность (абсолютная численность), 1820–2015

Рис. 9–1. Международное неравенство, 1820–2013

Рис. 9–2. Всемирное неравенство, 1820–2011

Рис. 9–3. Неравенство в Великобритании и США, 1688–2013

Рис. 9–4. Социальные расходы бюджетов стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития, 1880–2016

Рис. 9–5. Прирост доходов, 1988–2008

Рис. 9–6. Бедность в США, 1980–2016

Рис. 10–1. Население и рост населения Земли, 1750–2015
и прогноз до 2100 года

Рис. 10–2. Устойчивое развитие, 1955–2109

Рис. 10–3. Загрязнение, энергия и рост, США, 1970–2015

Рис. 10–4. Вырубка лесов, 1700–2010

Рис. 10–5. Разливы нефти, 1970–2016

Рис. 10–6. Охраняемые природные территории, 1900–2014

Рис. 10–7. Интенсивность выбросов углекислого газа (количество CO₂ на один доллар ВВП), 1820–2014

Рис. 10–8. Выбросы углекислого газа, 1960–2015

Рис. 11–1. Войны великих держав, 1500–2015

Рис. 11–2. Смертность в результате боевых действий, 1946–2016

Рис. 11–3. Смертность в результате геноцида, 1956–2016

Рис. 12–1. Смертность в результате убийств, Западная Европа, США и Мексика, 1300–2015

Рис. 12–2. Смертность в результате убийств, 1967–2015

Рис. 12–3. Смертность в дорожно-транспортных проис-

шествиях, США, 1921–2015

Рис. 12–4. Смертность пешеходов, США, 1927–2015

Рис. 12–5. Смертность в авиакатастрофах, 1970–2015

Рис. 12–6. Смертность в результате падений, пожаров, утоплений и отравлений, 1903–2014

Рис. 12–7. Смертность в результате несчастных случаев на рабочем месте, США, 1913–2015

Рис. 12–8. Смертность в результате стихийных бедствий, 1900–2015

Рис. 12–9. Смертность в результате удара молнии, США, 1900–2015

Рис. 13–1. Смертность в результате террористических актов, 1970–2015

Рис. 14–1. Демократия и авторитаризм, 1800–2015

Рис. 14–2. Права человека, 1949–2014

Рис. 14–3. Отмена смертной казни, 1863–2016

Рис. 14–4. Смертная казнь в США, 1780–2016

Рис. 15–1. Расистские, сексистские и гомофобные воззрения, США, 1987–2012

Рис. 15–2. Расистские, сексистские и гомофобные интернет-запросы, США, 2004–2017

Рис. 15–3. Преступления на почве ненависти, США, 1996–2015

Рис. 15–4. Изнасилования и бытовое насилие, США, 1993–2014

Рис. 15–5. Декриминализация гомосексуальности, 1791–

2016

Рис. 15–6. Либеральные ценности во времени и по поколениям, развитые страны, 1980–2005

Рис. 15–7. Либеральные ценности в зависимости от времени (экстраполяция), культурные зоны мира, 1960–2006

Рис. 15–8. Насилие над детьми, США, 1993–2012

Рис. 15–9. Детский труд, 1850–2012

Рис. 16–1. Грамотность, 1475–2010

Рис. 16–2. Начальное образование, 1820–2010

Рис. 16–3. Средняя длительность обучения, 1875–2010

Рис. 16–4. Грамотность среди женщин, 1750–2014

Рис. 16–5. Прирост IQ, 1909–2013

Рис. 16–6. Благополучие в мире, 1820–2007

Рис. 17–1. Продолжительность рабочей недели, Западная Европа и США, 1870–2000

Рис. 17–2. Выход на пенсию, США, 1880–2010

Рис. 17–3. Удобства, бытовая техника и работа по дому, США, 1900–2015

Рис. 17–4. Стоимость освещения, Англия, 1300–2006

Рис. 17–5. Расходы на предметы первой необходимости, США, 1929–2016

Рис. 17–6. Свободное время, США, 1965–2015

Рис. 17–7. Стоимость авиаперелетов, США, 1979–2015

Рис. 17–8. Международный туризм, 1995–2015

Рис. 18–1. Удовлетворенность жизнью и доход, 2006

Рис. 18–2. Одиночество среди американских учащихся,

1978–2011

Рис. 18–3. Самоубийства, Англия, Швейцария и США, 1860–2014

Рис. 18–4. Счастье и увлекательность, США, 1972–2016

Рис. 19–1. Ядерное оружие, 1945–2015

Рис. 20–1. Поддержка популизма по поколениям, 2016

Предисловие

Вторая половина второго десятилетия третьего тысячелетия не кажется подходящим временем для публикации книги об исторической траектории прогресса и о том, что им движет. Когда я пишу эти строки, моей страной руководят люди, лелеющие весьма мрачный образ настоящего: «матери с детьми... не могут вырваться из нищеты; образовательная система... не дает нашим молодым замечательным учащимся необходимых знаний; преступность, банды и наркотики забирают много жизней»¹. Мы находимся в состоянии «открытой войны», которая «расширяется и дает метастазы». Вина за этот кошмар возлагается на «глобальную систему власти», которая разъедает «духовные и нравственные основы христианства»².

¹ Цитаты из инаугурационной речи Дональда Трампа, <https://share.america.gov/ru/текст-инаугурационной-речи-президент>. – *Прим. ред.*

² «Матери и дети»: из инаугурационной речи Дональда Трампа, 20 января 2017 года, <https://www.whitehouse.gov/inaugural-address>. «Открытая война» и «духовные и нравственные основания»: из выступления главного стратега Трампа Стивена Бэннона на Ватиканской конференции летом 2014 года, цит. по J. L. Feder, “This Is How Steve Bannon Sees the Entire World,” BuzzFeed, Nov. 16, 2016, <https://www.buzzfeed.com/lesterfeder/this-is-how-steve-bannon-sees-the-entire-world>. «Глобальная система власти» – из заключительного рекламного ролика предвыборной кампании Дональда Трампа «Доводы для Америки», ноябрь 2016 года, <http://blog.4president.org/2016/2016-tv-ad/>. Широко распространено мнение, что Бэннон был автором или соавтором всех трех высказываний.

По ходу повествования я покажу, что такая безрадостная оценка состояния дел в мире неверна. Не просто слегка неточна – она безнадежно ошибочна, как теория плоской земли, и полностью не соответствует действительности. Но эта книга – не о сорок пятом президенте США и его советниках. Я задумал ее за несколько лет до объявления Дональдом Трампом о своем намерении баллотироваться в президенты, и я надеюсь, что мой труд надолго переживет его администрацию. Идеи, подготовившие почву для избрания Трампа, на самом деле популярны среди интеллектуалов и обычных людей как правых, так и левых политических убеждений. Это и пессимизм относительно того направления, в котором движется мир, и циничное отношение к институтам модерна, и неспособность разглядеть высший смысл ни в чем, кроме религии. Я представлю другой взгляд на мир, взгляд, подкрепленный фактами и вдохновленный идеалами Просвещения: разумом, наукой, гуманизмом и прогрессом. Я надеюсь показать, что идеалы Просвещения не стареют и что сегодня они нужны нам, как никогда.

~

Социолог Роберт Мертон считал коллективизм, дух общего дела первостепенной научной добродетелью, наряду с универсализмом, бескорыстием и организованным скептицизмом.

цизмом³. Что ж, честь и хвала тем ученым, которые в духе общего дела делились со мною собранными ими данными, быстро и исчерпывающе отвечая на мои запросы. Прежде всего хочу поблагодарить Макса Роузера, основателя невероятного информативного сайта *Our World in Data*; без его великодушия и проницательности было бы невозможным обсуждение многих тем второй части книги, посвященной прогрессу. Хочу также выразить благодарность Мариану Тупи и сайту *Human Progress*, а также Оле Рослингу, Хансу Рослингу и сайту *Gapminder* – двум другим ресурсам, незаменимым для понимания того положения, в котором находится сейчас человечество. Ханс был для меня настоящим источником вдохновения, а его смерть в 2017 году стала трагедией для всех, кто верен разуму, науке, гуманизму и прогрессу.

Я благодарен всем специалистам по обработке и анализу данных, которым без конца надоедал, и организациям, собирающим и обновляющим эти данные. Это Карлин Боумэн, Дэниел Кокс (PRRI), Тамар Эпнер (Social Progress Index), Кристофер Фарисс, Челси Фоллетт (Human Progress), Эндрю Гелман, Яир Гитца, Эйприл Ингрэм (Science Heroes), Джилл Яноча (Bureau of Labor Statistics), Гейл Келч (US Fire Administration/FEMA), Алиана Колош (National Safety Council), Калев Литару (Global Database of Events, Language,

³ Коллективизм: в Merton 1942/1973 первая добродетель названа «коммунизмом», хотя чаще всего ее цитируют как «коммунализм», чтобы не путать с марксизмом.

and Tone), Монти Маршалл (Polity Project), Брюс Мейер, Бранко Миланович (World Bank), Роберт Мугга (Homicide Monitor), Пиппа Норрис (World Values Survey), Томас Ольшевански (US Fire Administration/ FEMA), Эми Пирс (Science Heroes), Марк Перри, Тереза Петтерссон (Uppsala Conflict Data Program), Леандро Прадос да ла Эскокура, Стивен Рэйдлет, Ауке Рейпма (OECD Clio Infra), Ханна Ритчи (Our World in Data), Сет Стивенс-Давидовиц (Google Trends), Джеймс Салливан, Сэм Тауб (Uppsala Conflict Data Program), Кайла Томас, Дженнифер Трумен (Bureau of Justice Statistics), Джин Твендж, Бас Ван Ливен (OECD Clio Infra), Карлос Вилалта, Кристиан Вельцель (World Values Survey), Джастин Вулферс и Билли Вудворд (Science Heroes).

Дэвид Дойч, Ребекка Ньюбергер Голдстейн, Кевин Келли, Джон Мюллер, Розлин Пинкер, Макс Роузер и Брюс Шнайер прочли черновик книги и дали неоценимо полезные советы. Мне очень помогли эксперты, ознакомившиеся с отдельными главами или отрывками: Скотт Ааронсон, Леда Космидес, Джереми Инглэнд, Пол Эвальд, Джошуа Голдстейн, Энтони Грейлинг, Джошуа Грин, Сезар Идальго, Джоди Джексон, Лоуренс Краусс, Бранко Миланович, Роберт Мугга, Джейсон Немиров, Мэттью Нок, Тед Нордхаус, Энтони Пагден, Роберт Пинкер, Сюзен Пинкер, Стивен Рэйдлет, Питер Скоблик, Мартин Селигман, Майкл Шелленбергер и Кристиан Вельцель.

Спасибо друзьям и коллегам, отвечавшим на мои вопро-

сы или высказавшим важные замечания. В их числе Шарлин Адамс, Розалинд Арден, Эндрю Балмфорд, Николас Бомар, Брайан Боутвелл, Стюарт Бранд, Дэвид Бирн, Ричард Докинз, Дэниел Деннет, Грег Истербрук, Эмили-Роуз Истоп, Нильс Питер Гледич, Дженнифер Жакет, Барри Латцер, Марк Лилла, Карен Лонг, Эндрю Мак, Майкл Маккалоу, Хайнер Риндерманн, Джим Росси, Скотт Саган, Салли Сател и Майкл Шермер. Особая благодарность моим гарвардским коллегам Мазарину Банаджи, Мерсе Кросас, Джеймсу Энджеллу, Дэниелу Гилберту, Ричарду Макнолли, Кэтрин Сиккинк и Лоуренсу Саммерсу.

Я благодарю Рею Говард и Луиз Лопес за их героические усилия по сбору, анализу и графическому отображению данных и Кихапа Йонга за выполненный им регрессионный анализ нескольких массивов данных. Я также благодарен Илавенил Суббиа за элегантный дизайн иллюстраций и за ее предложения по форме и содержанию книги.

Я глубоко благодарен моим редакторам, Венди Вульф и Томасу Пенну, и моему литературному агенту Джону Брокману за их рекомендации и поддержку на протяжении всей работы над книгой. Катя Райс осуществляет техническую редактуру уже восьмой моей книги, и я всякий раз учусь у нее секретам ремесла.

Особая благодарность моей семье: Розлин, Сьюзен, Мартину, Еве, Карлу, Эрику, Роберту, Крису, Джеку, Дэвиду, Яэль, Соломону, Даниэль и прежде всего Ребекке – моему

наставнику и соратнику в защите идеалов Просвещения.

Часть I

Просвещение

Здравый смысл XVIII века, схвативший очевидные факты людских страданий и очевидные требования человеческой природы, подействовал на мир как души морального очищения.
АЛЬФРЕД УАЙТХЕД

За те несколько десятков лет, что я выступаю с лекциями о языке, сознании и человеческой природе, мне задавали самые странные вопросы. Какой язык лучше всех? Мыслят ли устрицы и другие моллюски? Когда мы сможем загружать свое сознание в интернет? Разве ожирение – не форма насилия?

Но самый поразительный вопрос был задан мне после лекции, в которой я рассказывал об общепринятом среди ученых понимании мышления как упорядоченном процессе в тканях мозга. Одна студентка в аудитории подняла руку и спросила меня:

– Зачем мне жить?

По ее простодушному тону было понятно, что она не имеет суицидальных наклонностей и не иронизирует, но искренне хочет знать, как найти смысл и цель, если современная наука опровергла традиционные религиозные представления

о бессмертной душе. Я вообще не считаю, что есть такая вещь, как глупые вопросы, и, к удивлению этой студентки, остальных слушателей и своему собственному в первую очередь, мне удалось сформулировать вполне достойный ответ. По моим воспоминаниям, несомненно неточным и приукрашенным задним числом, он был примерно таким.

Задавая этот вопрос, вы ищете рациональные основания для своих убеждений, а значит, пытаетесь найти и оправдать то, что для вас важно, следуя принципу разума. А разумных причин жить очень много!

Будучи разумным существом, вы обладаете способностью к процветанию. Вы можете развивать свое рациональное мышление, обучаясь и участвуя в спорах. Вы можете искать объяснения явлениям природы методами науки и пытаться понять человеческую природу через искусство и гуманитарное знание. Вы можете по максимуму использовать свою способность к удовлетворению и удовольствию, благодаря которой успешно размножились ваши предки и которой вы, таким образом, обязаны своим существованием. Вы можете посвятить себя постижению красоты и богатства мира природы и мира культуры. Вы – итог миллиардов лет, на протяжении которых жизнь воспроизводила саму себя, и теперь вы в свой черед можете заняться ее воспроизведением. Вы наделены способностью сопереживать: вы можете испытывать симпатию, любить, уважать, помогать,

проявлять доброту – и наслаждаться взаимной благожелательностью с членами вашей семьи, друзьями и коллегами.

И поскольку разум подсказывает, что ничто из этого не свойственно исключительно вам, вы несете ответственность за то, чтобы обеспечить других тем, чего хотели бы для себя. Вы можете способствовать благополучию других разумных существ, трудясь на пользу жизни, здоровья, знаний, свободы, достатка, безопасности, красоты и мира. История показывает, что, когда мы сопереживаем другим и применяем свои способности для улучшения человеческой доли, мы видим прогресс в этом направлении, и вы можете способствовать этому прогрессу.

Рассуждения о смысле жизни не входят в типичные служебные обязанности профессора когнитивной науки, и я бы не осмелился ответить на вопрос этой студентки, если бы ответ основывался на моих узкоспециальных знаниях или на моем сомнительном жизненном опыте. Но тут я знал, что всего лишь воспроизвожу комплекс убеждений и ценностей, сформированных более чем за два века до меня и ныне актуальных как никогда, а именно идеалы Просвещения.

Принцип Просвещения, согласно которому рациональное мышление и сопереживание – это путь к процветанию человечества, может показаться очевидным, банальным и устаревшим. Я написал эту книгу, потому что понял, что это не так. Сейчас идеалы разума, науки, гуманизма и прогресса

нуждаются в решительной защите как никогда прежде. Мы принимаем дары Просвещения как должное: новорожденных, которым предстоит прожить по восемьдесят лет, рынки, изобилующие едой, чистую воду, текущую по мановению руки, и по мановению же руки исчезающие отходы, таблетки против опасных инфекций, сыновей, которых не отправляют воевать, дочерей, которые могут спокойно гулять по улицам, критиков власти, которых не сажают в тюрьму и не расстреливают, знания и культуру всего мира в кармане рубашки. Но все это – достижения человечества, а не ниспосланные нам от рождения привилегии. В личных воспоминаниях многих читателей этой книги – как и в настоящем тех, кому выпало жить в менее благополучных уголках планеты, – война, нужда, болезни, невежество и угроза смерти естественным образом сопутствуют жизни. Нам известно, что страны могут легко скатиться обратно в это первобытное состояние, и потому мы пренебрегаем достижениями Просвещения на свой страх и риск.

За годы, прошедшие с тех пор, как я ответил на вопрос той девушки, жизнь часто напоминала мне о необходимости заново сформулировать идеалы Просвещения (которые еще называют идеалами гуманизма, «открытого общества», а также космополитического или классического либерализма). И дело не только в том, что я регулярно обнаруживал в своей почте схожие вопросы («Уважаемый профессор Пинкер, что бы вы посоветовали человеку, который ру-

ководствуется в жизни идеями из ваших книг и научных статей, воспринимая себя как собрание атомов, как механизм с ограниченными способностями к познанию, порожденный эгоистичными генами и существующий в пространственно-временном континууме?»), дело еще и в том, что, если мы забудем о масштабе человеческого прогресса, это грозит нам симптомами похуже, чем экзистенциальная тоска. Это может вызвать у людей циничное недоверие к институтам, вдохновленным Просвещением и служащим залогом прогресса, например к институту либеральной демократии или к организациям международного сотрудничества, и склонить их к атавистическим альтернативам.

Идеалы Просвещения – это продукт человеческого разума, но им всегда приходится бороться с другими компонентами человеческой природы: с преданностью своему племени, почитанием авторитетов, магическим мышлением, склонностью винить во всех бедах злоумышленников. Во втором десятилетии XXI века набрали силу политические движения, пророчащие своим обществам кошмарное антиутопическое будущее, уготованное для нас врагами, противостоять которым может только сильный лидер, способный повернуть свою страну вспять и сделать ее «снова великой». Этим движениям играют на руку идеи, которые разделяют с ними многие их самые ярые противники: идеи, что современные институты не оправдывают себя и что каждый аспект жизни находится во все более глубоком кризисе. Обе сто-

роны сходятся в зловещем убеждении, что мир станет лучше, если избавится от этих институтов. Гораздо реже встречаются люди с позитивным взглядом, которые воспринимают мировые проблемы на фоне исторического прогресса и стремятся развивать его дальше, в свою очередь решая эти проблемы.

Если вы все еще не уверены, что гуманистическим идеалам Просвещения нужна решительная защита, вдумайтесь в слова Шираза Махера, исследователя радикальных исламистских движений: «Запад стесняется своих ценностей – он больше не выступает в защиту классического либерализма. Мы не уверены в этих ценностях. Нам за них неловко». Махер сравнивает такое отношение Запада с позицией ИГИЛ⁴, которое «точно знает, за что борется», и эта уверенность «невероятно притягательна» – а уж ему-то виднее: раньше он был региональным руководителем джихадистской группировки «Хизб ут-Тахрир»⁵⁶.

Размышляя о либеральных идеалах в 1960-х годах вскоре после того, как они выдержали свое величайшее испытание,

⁴ Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность которой в РФ запрещена.

⁵ S. Maher, “Inside the Mind of an Extremist,” Oslo Freedom Forum, May 26, 2015, <https://oslofreedomforum.com/talks/inside-the-mind-of-an-extremist>.

⁶ Решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. организация «Хизб ут-Тахрир» признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

экономист Фридрих фон Хайек писал:

Чтобы старые истины сохраняли свое влияние на людские умы, их нужно формулировать заново, используя язык и понятия очередного поколения. Некогда яркие выражения постепенно изнашиваются и утрачивают конкретное значение. Стоящие за ними идеи могут оставаться такими же актуальными, как и прежде, но слова – даже если они описывают все еще существующие проблемы – утрачивают былую убедительность⁷⁸.

Эта книга – моя попытка заново сформулировать идеалы Просвещения, используя язык и понятия XXI века. Для начала я изложу общие принципы понимания человеческой природы в свете достижений современной науки: кто мы, откуда мы взяли, с какими трудностями сталкиваемся и как с ними справляемся. Большая часть книги посвящена защите этих идеалов методом, характерным для XXI века, – при помощи данных. Этот фактологический подход к изучению Просвещения как проекта показывает, что связываемые с ним надежды не были напрасными. Просвещение *сработало* – и это, возможно, величайшая из тех историй, о которых мы редко вспоминаем. А поскольку этот триумф настолько не воспет, лежащие в его основе идеалы разума, науки и гуманизма также не оценены по достоинству. Эти иде-

⁷ Hayek 1960/2011, p. 47; Wilkinson 2016a.

⁸ Пер. Б. Пинскера.

алы – отнюдь не навевающие скуку общие места. Напротив, современные интеллектуалы относятся к ним с равнодушием и скепсисом, а иногда даже с презрением. В этой книге я отстаиваю мнение, что, если их должным образом осмыслить, идеалы Просвещения оказываются волнующими, вдохновляющими и благородными, – что ради них стоит жить.

Глава 1

Имей мужество пользоваться собственным умом!

Что такое просвещение? Этим вопросом озаглавил свое эссе 1784 года Иммануил Кант. Просвещение для Канта – это «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине»⁹, его уход от «лености и трусости», от подчинения «положениям и формулам» религиозных или политических авторитетов¹⁰. Девизом просвещения он провозгласил фразу: «Имей мужество пользоваться собственным умом!», а его основополагающим принципом – свободу мысли и слова:

Никакая эпоха не может обязаться и поклясться поставить следующую эпоху в такое положение, когда для нее было бы невозможно расширить свои познания, избавиться от ошибок и вообще двигаться вперед в просвещении. Это было бы преступлением против человеческой природы, первоначальное назначение которой заключается именно в этом движении вперед¹¹.

⁹ Здесь и далее пер. Ц. Г. Арзаканьяна.

¹⁰ Kant 1784/1991.

¹¹ Цитаты перефразированы, взяты из переводов Х. Б. Нисбета (Kant 1784/1991) и Мэри Смит, <http://www.columbia.edu/acis/ets/CCREAD/etscc/kant.html>.

В XXI веке схожую идею высказал физик Дэвид Дойч, выступив в защиту просвещения в своей книге «Начало бесконечности» (The Beginning of Infinity)¹². Дойч утверждает, что, если мы будем иметь мужество пользоваться собственным умом, мы сможем достичь прогресса во всех областях науки, политики и морали:

Оптимизм (в том смысле, за который я выступаю) – это теория о том, что все неудачи, все зло обусловлено недостатком знаний... Проблемы неизбежны, потому что наши знания всегда будут бесконечно далеки от полноты. Некоторые проблемы трудны, но будет ошибкой путать сложные проблемы с теми, которые вряд ли кто-то решит. Проблемы можно решить, и каждое конкретное зло – это проблема, допускающая решение. Оптимистичная цивилизация открыта, ее не пугают новшества, а в ее основе лежат традиции критики. Ее институты продолжают совершенствоваться, а наиболее важные знания, которые они в себе несут, – это знания о том, как обнаруживать и устранять ошибки¹³¹⁴.

Что такое Просвещение?¹⁵ На этот вопрос нет официаль-

¹² Дойч Д. Начало бесконечности: объяснения, которые меняют мир. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 581 с. – *Прим. ред.*

¹³ Deutsch 2011, pp. 221–22.

¹⁴ Пер. М. И. Талачевой.

¹⁵ Просвещение: Goldstein 2006; Gottlieb 2016; Grayling 2007; Hunt 2007; Israel 2001; Makari 2015; Montgomery & Chirot 2015; Pagden 2013; Porter 2000.

ного ответа, потому что эпоха, названная в эссе Канта, никогда не имела четких рамок вроде олимпийских церемоний открытия и закрытия, а ее постулаты не были перечислены в какой-нибудь клятве или символе веры. Традиционно эпохой Просвещения считают последние две трети XVIII века, хотя она логически вытекала из революции в науке и эпохи рационализма XVII века и перетекла в период расцвета классического либерализма в первой половине XIX века. Во времена, когда наука и географические открытия поставили под вопрос все общепринятые истины, память о кровопролитиях религиозных войн была еще свежа, а идеи и люди легко преодолевали государственные границы, мыслители Просвещения искали новое понимание человеческой природы. Для той эпохи было характерно поразительное изобилие порой противоречащих друг другу идей, но все они связывались воедино благодаря четырем темам: разуму, науке, гуманизму и прогрессу.

На первом месте всегда стоял разум. Рациональное мышление не подлежит сомнению. Как только вы начинаете рассуждать о том, зачем мы живем (или о любом другом вопросе), настаивая при этом, что ваши ответы – какими бы они ни были – разумны, или обоснованны, или истинны и потому другие люди тоже должны в них верить, вы автоматически соглашаетесь подчиниться требованиям рациональности и признаете, что ваши взгляды можно оценивать в соответ-

ствии с объективными стандартами¹⁶. Если что-то и объединяло всех мыслителей Просвещения, так это убеждение, что при познании мира нам необходимо активно применять критерии рациональности, а не прибегать к источникам заблуждений вроде веры, догмы, откровения, авторитета, благодати, харизмы, мистицизма, пророчества, видений, интуиции или толкования священных текстов.

Именно разум заставил большинство мыслителей Просвещения отказаться от веры в антропоморфного Бога, которого интересуют дела людей¹⁷. Путем рациональных рассуждений они выявили, что не существует надежных свидетельств реальности чудес, что авторам священных книг не было чуждо ничто человеческое, что природные явления происходят без оглядки на благополучие людей и что в разных культурах люди верят в разных, исключаящих существование друг друга богов, которые с равной вероятностью могут оказаться плодом воображения. (Монтескье писал: «Если бы у треугольников был бог, они бы наделили его тремя сторонами».) Тем не менее не все мыслители Просвещения были атеистами. Некоторые были деистами (в противовес теистам) – они считали, что Бог запустил механизмы Вселенной, а затем отошел от дел, позволив ей развиваться в соот-

¹⁶ Рациональное мышление не подлежит сомнению: Nagel 1997; см. также главу 21.

¹⁷ Большинство мыслителей Просвещения не были теистами: Pagden 2013, p. 98.

ветствии с законами природы. Другие были пантеистами – для них Бог был *синонимом* законов природы. Но мало кто из них верил в Бога-законодателя, чудотворца и отца из библейских преданий.

Многие современные писатели путают свойственную эпохе Просвещения веру в разум и нелепое утверждение, будто человек является абсолютно рациональным существом. Это не имеет ничего общего с исторической реальностью. Такие мыслители, как Кант, Спиноза, Томас Гоббс, Дэвид Юм и Адам Смит, были пытливыми психологами и хорошо отдавали себе отчет в иррациональности наших страстей и страхов. Они настаивали, что, только выставляя напоказ все обычные источники нашего безрассудства, мы можем надеяться победить его. Настойчивое применение разума необходимо именно потому, что привычные нам модели мышления не отличаются рациональностью.

Это подводит нас ко второму идеалу Просвещения – науке, способу отточить разум для познания мира. Революция в науке стала переворотом, масштабы которого сложно осознать сегодня, когда ее достижения стали повседневностью для большинства из нас. Историк Дэвид Вуттон напоминает о типичных представлениях образованного англичанина в 1600 году, накануне начала научной революции:

Он верит, что ведьмы способны вызвать бури, которые топят корабли в море... [Он] верит в оборотней, хотя в Англии они не водятся, – он знает, что их видели в Бельгии... Он

не сомневается, что Цирцея действительно превратила спутников Одиссея в свиней. Он убежден, что мыши самопроизвольно зарождаются в скирдах соломы. Он верит в современных магов... Он видел рог единорога, но не самого единорога.

[Он] верит, что мертвое тело будет кровоточить в присутствии убийцы. Он верит в существование лезвийной мази – если смазать ею клинок, которым нанесена рана, эта рана заживет. Он верит, что форма, цвет и текстура растения определяют его лекарственные свойства, потому что Бог создал природу таким образом, чтобы ее могли истолковывать люди. Он верит, что можно превратить недрагоценный металл в золото, хотя сомневается в существовании человека, знающего, как это сделать. Он верит, что природа не терпит пустоты. Он верит, что радуга – это знамение Господа, а кометы предвещают беду. Он верит в существование вещей снов – нужно только правильно их истолковать. Разумеется, он верит, что Солнце и звезды делают один оборот вокруг Земли за двадцать четыре часа¹⁸¹⁹.

Через век и одну треть образованный потомок этого англичанина не будет верить ни во что из перечисленного. Это стало избавлением не только от невежества, но и от страха. Социолог Роберт Скотт отмечает, что в Средние века «вера во внешнюю силу, которая контролирует повседневную

¹⁸ Wootton 2015, pp. 6–7.

¹⁹ Пер. Ю. Я. Гольдберга.

жизнь людей, вела к возникновению своего рода коллективной паранойи»:

Ливни, гром, молнии, порывы ветра, солнечные и лунные затмения, внезапные похолодания, периоды жары, засухи и землетрясения – все это виделось знаками и свидетельствами Божьего недовольства. Как следствие, суеверные страхи царили в любой области жизни. Море считалось обителью дьявола, а леса населяли хищные твари, людоеды, ведьмы, демоны и самые настоящие грабители и головорезы... С наступлением темноты мир тоже наполняли знамения всевозможных опасностей: кометы, метеоры, падающие звезды, лунные затмения, вой диких животных²⁰.

Этот отход от невежества и суеверий показал мыслителям Просвещения, насколько ошибочными могут быть общепринятые представления. Научные методы – скептицизм, фаллибилизм, открытость дискуссий и эмпирическая проверка – оказались парадигмой для получения надежных знаний.

Эти знания включают и наше понимание самих себя. Потребность в «науке о человеке» стала темой, объединившей мыслителей Просвещения, которые расходились во мнениях о многом другом, в том числе Монтескье, Юма, Смита, Канта, Николя де Кондорсе, Дени Дидро, Жана Д’Аламбера, Жан-Жака Руссо и Джамбаттисту Вико. Их вера в существование такого понятия, как универсальная человеческая

²⁰ Scott 2010, pp. 20–21.

природа, и в то, что ее можно изучать научными методами, сделала их пионерами наук, которым дадут названия только несколько веков спустя²¹. Они были когнитивными нейробиологами, пытавшимися объяснить мышление, эмоции и психопатию с точки зрения физических процессов в мозге. Они были эволюционными психологами, стремившимися понять жизнь в ее природном состоянии и выявить животные инстинкты, «присущие нашему естеству». Они были социальными психологами, писавшими о духовных переживаниях, которые нас сближают, и об эгоистичных страстях, которые отдаляют нас друг от друга, об ограниченности восприятия, из-за которой рушатся наши лучшие планы. Они были культурными антропологами, изучавшими свидетельства путешественников и первооткрывателей, накапливая данные и о человеческих универсалиях, и о различиях в традициях и нормах народов мира.

Идея универсальности человеческой природы подводит нас к третьей теме – гуманизму. Мыслители эпох рационализма и Просвещения видели острую необходимость в светском обосновании морали, поскольку их преследовала историческая память о веках религиозного насилия: о крестовых походах, деятельности инквизиции, охоте на ведьм и европейских религиозных войнах. Они заложили основу той си-

²¹ Мыслители Просвещения как исследователи природы человека: Kitcher 1990; Macnamara 1999; Makari 2015; Montgomery & Chirot 2015; Pagden 2013; Stevenson & Haberman 1998.

стемы взглядов, которую мы сейчас называем гуманизмом и которая ставит благополучие отдельно взятых мужчин, женщин и детей выше славы племени, расы, нации или конфессии. Именно индивидуумы, а не группы, обладают *сознанием* – способностью чувствовать радость и боль, счастье и горе. Как бы мы ни определяли гуманизм – как стремление к наибольшему благополучию для наибольшего числа людей или же как категорический императив воспринимать человека как цель, а не средство, – именно универсальная способность каждого человека страдать и процветать, считали мыслители Просвещения, требует от нас ответов на вопросы морали.

К счастью, человеческая природа подготовила нас к этим вопросам. Ведь мы наделены даром *сопереживания*, который в то время называли также благожелательностью, жалостью и состраданием. Раз мы вообще способны сопереживать другим, ничто не мешает нашему сопереживанию распространяться не только на семью или на племя, но и на все человечество, тем более что разум подсказывает нам, что ни у нас самих, ни у каких-либо групп, к которым мы принадлежим, не может быть никаких уникальных черт, делающих нас особо заслуживающими сопереживания²². Мы сталкиваемся с необходимостью принять космополитизм и признать

²² Расширение круга сопереживания: Nagel 1970; Pinker 2011; Shermer 2015; Singer 1981/2011.

себя гражданами мира²³.

Гуманистический склад ума привел мыслителей Просвещения к порицанию не только религиозного насилия, но и не связанной с религией жестокости своего времени, в том числе рабовладения, деспотизма, смертной казни за мелкие преступления вроде магазинных краж или браконьерства, а также садистских наказаний, таких как порка, отсечение рук, сажание на кол, выпускание кишок, колесование и сожжение на костре. Просвещение иногда называют гуманистической революцией, потому что оно положило конец варварским практикам, существовавшим в самых разных цивилизациях на протяжении тысячелетий²⁴.

Что, если не отмену рабства и жестоких наказаний, стоит называть прогрессом? Это подводит нас к четвертому идеалу Просвещения. Благодаря использованию науки для более глубокого понимания мира и расширению круга соперничания с помощью рационального мышления и космополитизма, человечество оказалось способно к прогрессу в интеллектуальной и нравственной сфере. Оно больше не должно было ни мириться с бедствиями и иррациональностью настоящего, ни пытаться вернуться в утраченный золотой век.

Веру эпохи Просвещения в прогресс не стоит путать со свойственной романтизму XIX века верой в мистические силы и законы, в диалектические конфликты, логику событий,

²³ Космополитизм: Appiah 2006; Pagden 2013; Pinker 2011.

²⁴ Гуманистическая революция: Hunt 2007; Pinker 2011.

предначертанность судьбы, чередование эпох и силы эволюции, которые неуклонно ведут человечество выше и дальше по направлению к утопии²⁵. Как следует из замечания Канта о расширении познаний и избавлении от ошибок, просвещенческое видение прогресса было куда более прозаичным и сочетало в себе рациональность и гуманизм. Если мы обращаем внимание на то, как работают наши законы и обычаи, ищем способы их улучшить, пробуем эти способы и продолжаем использовать те из них, которые идут на пользу людям, мы постепенно сможем сделать мир лучше. Сама наука точно так же ползет вперед, непрерывно чередуя выдвижение гипотез и их экспериментальную проверку, и это ее безостановочное движение, нивелирующее частные ошибки и неудачи, доказывает возможность прогресса.

Идеал прогресса также не стоит путать со стремлением XX века перестроить общество для удобства технократов и энтузиастов всеобщего планирования, которое политолог Джеймс Скотт называет «авторитарным высоким модернизмом»²⁶. Это движение отрицало существование человеческой природы с ее неопрытными потребностями в красоте, природе, традиции и социальной близости²⁷. Модернисты разрабатывали проекты по обновлению городской сре-

²⁵ Прогресс как мистическая сила: Berlin 1979; Nisbet 1980/2009.

²⁶ Авторитарный высокий модернизм: Scott 1998.

²⁷ Авторитарный высокий модернизм и психология «чистого листа»: Pinker 2002/2016, pp. 170–71, 409–11.

ды «с чистой скатерти», где на смену кипящим жизнью жилым кварталам приходили скоростные шоссе, многоэтажки, открытые всем ветрам площади и архитектура брутализма. «Человечество возродится, – предвещали они. – Каждый человек будет жить в упорядоченной взаимосвязи с целым»²⁸. Иногда к подобным начинаниям применяли слово «прогресс», но употреблять его в этом контексте можно только с иронией: «прогресс», не ведомый гуманизмом, не есть прогресс.

С точки зрения Просвещения прогресс не имел целью изменить человеческую природу; главным образом он касался человеческих институтов. Созданные людьми системы, такие как правительство, законы, рынки и международные организации, – вот очевидная мишень для попыток улучшить долю человека при помощи разума.

При таком образе мышления правительство – это не самодержавная власть волею Божьей, не синоним «общества» и не зримое воплощение духа нации, религии или расы. Оно – изобретение человека, исподволь принимаемое всеми в соответствии с социальным контрактом и призванное улучшать благосостояние граждан путем координации их действий и противодействия эгоистическим решениям, которые кажутся заманчивыми отдельным членам общества, но при этом вредны для всех остальных. Как говорится в самом известном шедевре Просвещения, Декларации незави-

²⁸ Ле Корбюзье: Scott 1998, pp. 114–15.

симости США, для того чтобы обеспечить право человека на жизнь, свободу и стремление к счастью, людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых.

В полномочия правительства входит и назначение наказаний, так что такие авторы, как Монтескье, Чезаре Беккариа и отцы-основатели США, по-новому взглянули на право правительства причинять вред своим гражданам²⁹. Уголовное наказание, утверждали они, не имеет своей задачей вершить надмирное правосудие, но является частью стимулирующей структуры, которая препятствует антиобщественным поступкам, не причиняя большего страдания, чем то, от которого оно ограждает. Таким образом, причина, по которой наказание должно соответствовать преступлению, состоит не в уравнивании неких мистических весов справедливости, но в том, чтобы остановить преступника на мелком преступлении прежде, чем он перейдет к более серьезным. Жестокие наказания, «заслужены» ли они в каком-то смысле или нет, не эффективнее в предотвращении ущерба, чем умеренная, но максимально неотвратимая санкция; кроме того, они снижают чувствительность посторонних наблюдателей к насилию и ожесточают общество, которое их практикует.

Деятели Просвещения первыми занялись и рациональным анализом достатка. В первую очередь их заинтересова-

²⁹ Переосмысление наказаний: Hunt 2007.

ло не распределение богатства среди населения, но предшествующий этому вопрос о том, откуда вообще берется богатство³⁰. Адам Смит, развивая идеи французских, голландских и шотландских авторов, отмечал, что изобилие полезных товаров не может возникнуть благодаря усилиям отдельного крестьянина или ремесленника. Изобилие требует совместной работы целого сообщества специалистов, каждый из которых учится делать свое дело максимально эффективно, и все они дополняют друг друга, обмениваясь плодами своей изобретательности, навыков и усилий. В знаменитом примере Смит рассчитал, что отдельный работник может изготовить в лучшем случае одну булавку в день, тогда как на мануфактуре, где «один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки»³¹, каждый производит в день почти по пять тысяч.

Специализация работает только на рынке, который позволяет специалистам обмениваться своими товарами и услугами, и Смит объяснял, что экономическая деятельность – это форма взаимовыгодного сотрудничества (игра с положительной суммой, выражаясь современным языком): каждый получает нечто, что для него более ценно, чем то, что он отдает. В ходе добровольного обмена люди приносят поль-

³⁰ Создание богатства: Montgomery & Chirot 2015; Ridley 2010; Smith 1776/2009.

³¹ Пер. под ред. В. Незнанова.

зу другим, получая при этом пользу сами; как писал Смит, «не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму». Он не имел в виду, что люди безнадежно эгоистичны или что им следует такими быть; напротив, он был одним из самых проникательных в истории исследователей человеческой способности к сопереживанию. Он имел в виду лишь то, что в условиях рынка любая склонность людей заботиться о своих семьях и себе самих может идти на пользу всем.

Обмен может сделать общество не только богаче, но и безопаснее, поскольку на эффективном рынке вещи дешевле покупать, чем воровать, а другие люди представляют для тебя большую ценность живыми, чем мертвыми. (Как несколько веков спустя писал экономист Людвиг фон Мизес, «если портной идет войной на пекаря, то с этого момента он должен печь себе хлеб самостоятельно»³².) Многие мыслители Просвещения, в том числе Монтескье, Кант, Вольтер, Дидро и аббат Сен-Пьер, были сторонниками идеала *doux commerce*, «доброй торговли»³³. Отцы-основатели США – Джордж Вашингтон, Джеймс Мэдисон и в особенности Александр Гамильтон – разрабатывали институты ново-

³² Пер. А. В. Куряева.

³³ Добрая торговля: Mueller 1999, 2010b; Pagden 2013; Pinker 2011; Schneider & Gleditsch 2010.

го государства с расчетом создать условия для такой торговли.

Это подводит нас к еще одному идеалу Просвещения – миру. Войны были настолько обычным явлением в истории, что естественно было видеть их неотъемлемой частью человеческой природы, а всеобщий мир – возможным только после второго пришествия Христа. Но теперь войну начали воспринимать не как ненавистную божественную кару, которую нужно просто терпеть, и не как славное состязание, в котором необходимо одержать победу, а потом воспеть ее, но как практическую проблему, с которой можно бороться и однажды ее решить. В трактате «К вечному миру» Кант перечислил меры, которые могли бы помешать правителям вытягивать свои страны в войны³⁴. Помимо международной торговли, он видел решение в представительных республиках (или демократиях, как мы бы назвали их сейчас), взаимной открытости, международном праве, запрещающем вторжения и вмешательство во внутренние дела других стран, свободе путешествий и иммиграции, а также в создании федерации государств для урегулирования разногласий между ними.

При всей дальновидности отцов-основателей, мыслителей и философов, эта книга – не гимн эпохе Просвещения. Все эти люди были мужчинами и женщинами своего времени –

³⁴ «К вечному миру»: Kant 1795/1983. Современная интерпретация: Russett & Oneal 2001.

XVIII века. Среди них попадались расисты, сексисты, антисемиты, рабовладельцы и дуэлянты. Некоторые волновавшие их вопросы мы почти не в состоянии понять, а помимо гениальных идей, им приходили в голову и весьма безумные. Что еще важнее в контексте этой книги, они родились слишком рано, чтобы оценить некоторые ключевые особенности современного видения реальности.

При этом они сами первыми бы это и признали. Если ты прежде всего ценишь разум, тебе важнее последовательность в мышлении, а не личности мыслителей. А если ты предан идее прогресса, ты понимаешь, что твои знания заведомо не полны. Заслуги мыслителей Просвещения несколько не умаляет тот факт, что они не имели представления о некоторых известных нам важнейших идеях, касающихся судьбы человечества и природы прогресса. Я имею в виду идеи энтропии, эволюции и информации.

Глава 2

Энтро, эво, инфо

Первая ключевая особенность современного понимания судьбы человечества – это концепция энтропии, или беспорядка, которая впервые возникла в физике XIX века, а в современном виде была сформулирована физиком Людвигом Больцманом³⁵. Второе начало термодинамики гласит, что в изолированной системе (то есть в той, которая не взаимодействует с окружающей средой) энтропия никогда не уменьшается. (Первое начало гласит, что энергия сохраняется; третье – что температура абсолютного нуля недостижима.) Изолированные системы неуклонно становятся менее упорядоченными, менее организованными, менее способными к достижению интересных или полезных результатов – до тех пор, пока не скатываются в серое, безликое и однородное равновесие, в котором и остаются.

В своей первоначальной формулировке второе начало описывало процесс, в котором полезная энергия в виде разницы температур между двумя телами неизбежно рассеивается в ходе перетекания тепла от более нагретого к более холодному телу. (Как пели Майкл Фландерс и Дональд Сванн,

³⁵ Второе начало термодинамики: Atkins 2007; Carroll 2016; Hidalgo 2015; Lane 2015.

«от холодного к горячему тепла не передать – ты можешь попытаться, но лучше сил не трать»).) Чашка кофе, если только не поставить ее на электроплитку, со временем остынет. Когда в топке парового двигателя заканчивается уголь, остывший пар под поршнем больше не сдвинет его с места, потому что нагретый пар и воздух с противоположной стороны будут давить с равной силой.

Как только стало понятно, что тепло – это не невидимая жидкость, а энергия движущихся молекул и что разница между температурами двух тел – это разница между средними скоростями их молекул, возникла более общая, статистическая версия и концепции энтропии, и самого второго начала. Теперь макроскопический порядок можно было охарактеризовать как набор всех различных микросостояний системы (в изначальном примере с теплом это все возможные скорости и положения всех молекул обоих тел). Среди этих состояний те, что мы обычно считаем полезными (например, состояния, когда одно из тел теплее другого, то есть средняя скорость молекул в одном теле выше средней скорости молекул в другом), составляют лишь малую часть из всех возможных, тогда как беспорядочные или бесполезные состояния (при которых тела имеют одинаковую температуру, то есть средние скорости их молекул равны) составляют подавляющее большинство. Отсюда следует, что любая пертурбация в системе, будь то случайное колебание ее частей или пинок из внешней среды, по теории вероятности сдви-

нет систему в сторону беспорядка и бесполезности – не потому, что природа стремится к беспорядку, но потому, что беспорядочных состояний гораздо больше, чем упорядоченных. Если вы оставите без присмотра замок из песка, назавтра его уже не будет, потому что ветер, волны, чайки и дети непрестанно двигают песчинки, а количество непохожих на замок комбинаций песчинок несравнимо больше количества похожих. Я буду часто ссылаться на эту статистическую версию второго начала, которая относится не только к выравниванию температур, но и в целом к возрастанию неупорядоченности, называя ее законом энтропии.

Какое отношение энтропия имеет к человеческим делам? Жизнь и счастье зависят от бесконечно малого количества упорядоченных комбинаций материи среди астрономического числа прочих возможностей. Наши тела – крайне маловероятные сочетания молекул, которые поддерживают свою упорядоченность благодаря другим крайне маловероятным явлениям: нас может питать ограниченный ряд веществ, ограниченное число материалов в ограниченном количестве форм могут служить нам одеждой, жилищем или топливом для перемещения предметов по нашему желанию. Гораздо больше встречающихся на Земле комбинаций материи не имеют для нас никакой практической пользы, поэтому, когда вещи меняются не по воле человека, скорее всего, они меняются к худшему. В повседневной жизни закон энтропии часто проскальзывает в выражениях вроде «рассы-

паться в прах», «время все перемелет», «дерьмо случается», «все, что может пойти не так, пойдет не так» и (как говорил знаменитый конгрессмен от штата Техас Сэм Рэйберн) «любой болван может развалить сарай, а новый построить под силу только плотнику».

В глазах ученых второе начало объясняет отнюдь не только неурядицы повседневной жизни. Оно составляет основу нашего понимания Вселенной и места человека в ней. В 1928 году физик Артур Эддингтон писал:

Закон о возрастании энтропии, на мой взгляд, занимает главенствующее место среди законов природы. Если кто-то скажет вам, что ваша любимая теория строения Вселенной не согласуется с уравнениями Максвелла, тем хуже для уравнений Максвелла. Если окажется, что ваша теория не подтверждается наблюдениями, – что ж, экспериментаторы иногда ошибаются. Но, если ваша теория противоречит второму началу термодинамики, надежды больше нет: остается только признать унижительное поражение³⁶.

В своей знаменитой кембриджской лекции 1959 года, опубликованной под названием «Две культуры и научная революция», ученый и писатель Чарльз Перси Сноу так отзывался о презрительном отношении к науке среди образованных британцев того времени:

³⁶ Eddington 1928/2015.

Множество раз мне приходилось бывать в обществе людей, которые по нормам традиционной культуры считаются высокообразованными. Обычно они с большим пылом возмущаются литературной безграмотностью ученых. Как-то раз я не выдержал и спросил, кто из них может объяснить, что такое второе начало термодинамики. Ответом было молчание или отказ. А ведь задать этот вопрос ученому значит примерно то же самое, что спросить у писателя: «Читали ли вы Шекспира?»³⁷³⁸

Химик Питер Эткинс в своей книге «Четыре закона, которые движут Вселенной» (Four Laws That Drive the Universe) под одним из вынесенных в заголовок законов имел в виду второе начало термодинамики. В более близкой мне области недавняя статья эволюционных психологов Джона Туби, Леды Космидес и Кларка Барретта об основах науки о разуме получила название «Второе начало термодинамики – это первое начало психологии»³⁹.

Откуда столько благоговения перед вторым началом? С точки зрения космического порядка оно определяет судьбу Вселенной и главную цель жизни, сознания и человеческих усилий: использовать энергию и знания, чтобы бороться с натиском энтропии и создавать островки благотворного по-

³⁷ Две культуры и второе начало термодинамики: Snow 1959/1998, pp. 14–15.

³⁸ Пер. Ю. С. Родман.

³⁹ Второе начало термодинамики = первое начало психологии: Tooby, Cosmides, & Barrett 2003.

рядка. С более приземленной точки зрения ответ может быть поконкретнее, но сначала мне необходимо ввести две другие фундаментальные идеи.

~

На первый взгляд, закон энтропии предполагает обескураживающую картину прошлого и мрачные перспективы в будущем. В момент своего зарождения в Большом взрыве Вселенная находилась в состоянии низкой энтропии при немыслимо высокой концентрации энергии. С тех пор дело шло под гору: Вселенная понемногу превращается в разреженную кашу из равномерно распределенных в пространстве частиц и продолжит делать это и в будущем. В реальности, разумеется, Вселенная, какой мы ее застали, отнюдь не однородная масса. Ее монотонность оживляют галактики, планеты, горы, облака, снежинки и самые разные формы флоры и фауны, включая нас с вами.

Одна из причин, почему во Вселенной так много всего интересного, заключается в так называемых процессах самоорганизации, которые позволяют возникать ограниченными областями порядка⁴⁰. Когда в систему поступает энергия и эта система начинает рассеивать энергию, наращивая энтропию, она может на время задержаться в упорядоченной и даже

⁴⁰ Самоорганизация: England 2015; Gell-Mann 1994; Hidalgo 2015; Lane 2015.

красивой конфигурации вроде сферы, спирали, звезды, вихря, волны, кристалла или фрактала. Тот факт, что мы находим эти конфигурации красивыми, кстати сказать, наводит на мысль, что красота все же существует не только в глазах смотрящего. Такая эстетическая реакция мозга может быть признаком заложенной в нас природой восприимчивости к противостоящим энтропии факторам.

Однако в природе присутствует и иная требующая объяснения упорядоченность: не изящная симметрия и ритмичность материального мира, но функциональное устройство живых организмов. Они состоят из органов с их разнородными частями, которые невероятным образом сформированы и соединены между собой так, чтобы обеспечивать процессы, поддерживающие в организме жизнь (то есть потребление энергии и противодействие нарастанию энтропии)⁴¹.

Обычно сложность биологических систем иллюстрируют примером глаза, но я хочу продемонстрировать ее на примере моего второго самого любимого органа чувств. В человеческом ухе есть эластичная перепонка, которая вибрирует под действием малейшего колебания воздуха, костяной рычаг, который увеличивает силу вибрации, поршень, который передает вибрации в жидкость в длинном канале (удачно закрученном так, чтобы уместиться в стенке черепа), сужающаяся мембрана, которая тянется вдоль всего канала и фи-

⁴¹ Эволюция против энтропии: Dawkins 1983, 1986; Lane 2015; Tooby, Cosmides, & Barrett 2003.

зически раскладывает звуковые волны на гармонические составляющие, а также совокупность клеток с крошечными волосками, которые выгибаются вперед и назад под действием вибрации, посылая череду электрических импульсов в мозг. Невозможно объяснить, почему все эти мембраны, кости, жидкости и волоски расположены таким маловероятным образом, не приняв во внимание, что именно такое устройство позволяет мозгу воспринимать упорядоченные звуки. Даже мясистое внешнее ухо (асимметричное и по вертикали, и по горизонтали, со всеми его складками и желобками) имеет именно ту форму, благодаря которой направляет проходящий через него звук таким образом, что мозг способен распознать, где находится то, что шумит, – внизу или сверху, спереди или сзади.

Организмы изобилуют этими маловероятными конфигурациями плоти вроде глаз, ушей, сердец и желудков, каждая из которых прямо-таки требует объяснения. До 1859 года, когда Чарльз Дарвин и Альфред Рассел Уоллес нашли такое объяснение, разумно было полагать, что все это – дело умелых рук всевышнего проектировщика. Возможно, в том числе и по этой причине многие мыслители Просвещения были скорее деистами, нежели рьяными атеистами. Дарвин и Уоллес сделали проектировщика ненужным. Как только физические и химические процессы самоорганизации порождают конфигурацию материи, которая способна воспроизводить саму себя, ее копии начинают копироваться, что, в

свою очередь, ведет к появлению копий копий, и так далее по экспоненте. Самовоспроизводящиеся системы должны конкурировать между собой за материю для создания копий и энергию для процесса копирования. А поскольку по закону энтропии никакое копирование не совершенно, в его ходе будут возникать ошибки, и, хотя большинство таких ошибок-мутаций пойдут системе во вред (вновь энтропия), иногда слепая удача породит ошибку, с которой система сможет воспроизводиться более эффективно и вытеснит всех конкурентов. Поскольку ошибки, которые идут на пользу стабильности и скорости копирования, накапливаются от поколения к поколению, такая самовоспроизводящаяся система – мы называем их организмами – в итоге будет оставлять впечатление, будто она изначально проектировалась с расчетом на выживание и размножение в будущем, хотя на самом деле она лишь сохраняла те ошибки копирования, которые способствовали выживанию и размножению в прошлом.

Креационисты зачастую искажают смысл второго начала термодинамики, утверждая, что биологическая эволюция как возрастание упорядоченности со временем физически невозможна. Они опускают важное уточнение: «в изолированной системе». Организмы – открытые системы: они получают энергию от солнца, из пищи или глубинных гидротермальных источников и используют ее, чтобы создать в своих телах и жилищах временные очаги упорядоченности, в свою очередь выбрасывая в окружающую среду тепло и от-

ходы, увеличивающие неупорядоченность в мире в целом. Использование организмами энергии для поддержания своей целостности под натиском энтропии – это современное толкование принципа *конатуса* (импульса или усилия), который Спиноза формулировал как «стремление к тому, чтобы утвердиться и совершенствоваться в своем бытии» и который в эпоху Просвещения стал основой для нескольких теорий жизни и сознания⁴².

Неотменяемая необходимость высасывать энергию из окружающей среды является причиной одной из трагедий живых существ. В то время как растения могут нежиться в лучах солнца, а некоторые морские существа – питаться химическим бульоном, который извергается из трещин в дне океана, животные рождены эксплуататорами: им приходится тяжким трудом добывать энергию из тел растений и других животных, поедая их. Тем же самым заняты вирусы, бактерии и прочие патогены и паразиты, терзающие тела изнутри. За исключением плодов, все, что мы называем «едой», является частями тела или запасами энергии других организмов, которые с радостью оставили бы эти сокровища себе. Природа – это война, и многое из того, что привлекает наше внимание в природном мире, – это гонка вооружений. Животные-жертвы защищаются посредством раковин, иголок, клешней, рогов, ядовитых желез, камуфляжа, способности летать и просто постоять за себя; растения вооружены ши-

⁴² Спиноза: Goldstein 2006.

пами, кожей, корой и тканями, пропитанными раздражающими и ядовитыми веществами. Животные вырабатывают приемы нападения, способные преодолеть эти защитные приспособления: у плотоядных есть скорость, когти и орлиная зоркость, а у травоядных – приспособленные для измельчения зубы и печень, расщепляющая натуральные яды.

~

Мы подходим к третьей ключевой особенности – информации⁴³. Информацию можно понимать как снижение энтропии; это тот компонент, который отличает упорядоченную, структурированную систему от огромного числа систем беспорядочных и бесполезных⁴⁴. Представьте себе страницы случайных символов, набранные на пишущей машинке обезьяной, или помехи в динамике радиоприемника, настроенного на частоту между станциями, или россыпь пикселей на экране компьютера при открытии поврежденного графического файла. Каждый из этих объектов может принять триллионы различных форм, и каждая из этих форм будет такой же скучной, как предыдущая. А теперь представьте, что эти приборы контролирует некий сигнал, выстраивающий символы, звуковые волны или пиксели в последовательность, ко-

⁴³ Информация: Adriaans 2013; Dretske 1981; Gleick 2011; Hidalgo 2015.

⁴⁴ Информация – это снижение энтропии, а не энтропия сама по себе: <https://schneider.ncifcrf.gov/information.is.not.uncertainty.html>.

торая соответствует какому-то явлению реального мира: Декларации независимости США, первым тактам песни Ней, Jude или коту в темных очках. В таком случае мы говорим, что сигнал передает *информацию* о декларации, песне или коте⁴⁵.

Объем информации, содержащейся в некой последовательности, зависит от того, насколько детально наше восприятие мира. Если бы нас волновала *точная* очередность символов, напечатанных обезьяной, или точная разница между двумя шумовыми всплесками, или точное расположение пикселей на конкретном дисплее с помехами, тогда мы бы сказали, что каждая из этих последовательностей несет столько же информации, сколько остальные. Интересные последовательности в таком случае несли бы даже *меньше* информации, потому что, когда смотришь на одну их часть (например, запятую), ты можешь угадать и другие (например, следующий за ней пробел) без помощи сигнала. Однако чаще всего мы сваливаем в одну кучу огромное большинство невнятных комбинаций, считая их одинаково скучными, и отделяем от них те немногие, которые соответствуют чему-то еще. С этой точки зрения фотография кота несет больше информации, чем россыпь пикселей, поскольку ее дурацкий смысл выделяет редкую упорядоченную комбинацию из огромного числа в равной степени неупорядоченных.

⁴⁵ Переданная информация как знание: Adriaans 2013; Dretske 1981; Fodor 1987, 1994.

Когда мы говорим, что Вселенная упорядочена, а не хаотична, мы имеем в виду, что она содержит информацию именно в таком понимании. Некоторые физики возводят информацию в ранг одной из базовых составляющих Вселенной наряду с материей и энергией⁴⁶.

Информация – это именно то, что накапливается в геноме в процессе эволюции. Последовательность оснований в молекуле ДНК соответствует последовательностям аминокислот в белках, из которых состоит тело организма, и эта последовательность сложилась в процессе уменьшения энтропии предков данного организма – формирования тех маловероятных конфигураций, которые позволяли им поглощать энергию, расти и размножаться.

Кроме того, информацию на протяжении всей жизни организма собирает его нервная система. Когда ухо преобразует звуки в нервные импульсы, два этих физических процесса – вибрация воздуха и диффузия ионов – не имеют между собой ничего общего. Но, благодаря корреляции между ними, определенная активность нейронов в мозге животного содержит информацию об определенном звуке во внешнем мире. Далее информация может переходить из электрической формы в химическую и обратно, пересекая синапсы между соседними нейронами, но при всех этих физических трансформациях сама она сохраняется неизменной.

⁴⁶ «Вселенная состоит из материи, энергии и информации»: Hidalgo 2015, p. ix; Lloyd 2006.

Важнейшее открытие теоретической нейробиологии XX века заключалось в том, что нейронная сеть может не только хранить информацию, но и преобразовывать ее так, что это позволяет нам объяснить интеллектуальные способности мозга. Два входных нейрона могут быть соединены с выходным нейроном таким образом, что соотношения между их импульсами будут соответствовать логическому оператору, например И, ИЛИ и НЕ, или статистическому решению, принятому с учетом значимости входных данных. Это дает нейронной сети способность к обработке информации, то есть вычислениям. При достаточно большом размере сети, построенной из таких логических и статистических контуров (а в мозге с его миллиардами нейронов есть где развернуться), мозг может вычислять сложные функции, что является первым условием для умственной деятельности. Мозг может обрабатывать получаемую им от органов чувств информацию об окружающем мире, копируя действие законов, по которым живет реальный мир, что позволяет нам вывести полезные суждения и прогнозы⁴⁷. Внутренние образы, которые надежно коррелируют с состояниями реального мира и участвуют в формировании суждений, чаще всего позволяющих перейти от верных предположений к верным выводам, можно назвать знанием⁴⁸. Мы говорим, что человек знает, что такое дрозд, если мысль «дрозд» возникает в его

⁴⁷ Нейронные вычисления: Anderson 2007; Pinker 1997/2009, chap. 2.

⁴⁸ Знание, информация и дедукция: Block 1986; Fodor 1987, 1994.

сознании, когда он видит дрозда, и если он способен прийти к умозаключению, что это такая птица, которая появляется по весне и таскает червей из земли.

Возвращаясь к эволюции: мозг, который благодаря информации в своем геноме способен обрабатывать информацию, поступающую от органов чувств, может оптимизировать поведение животного для поглощения энергии и сопротивления энтропии. Например, он может установить правило: «Если оно пищит, гонись; если оно лает, спасайся бегством».

Погоня и побег, однако, представляют собой не просто последовательность сокращений мышц – это *целенаправленные* действия. В ходе погони в зависимости от обстоятельств требуется бежать, карабкаться, перепрыгивать или лежать в засаде (главное – чтобы это повышало шансы схватить добычу), а спасаясь от кого-то – прятаться, замирать и лавировать. Это подводит нас к еще одной эпохальной идее XX века, которую называют кибернетикой, концепцией обратной связи или теорией управления. Эта идея объясняет, почему физическая система может производить впечатление телеологической, то есть направляемой определенной задачей или целью. Все, что ей для этого нужно, – это возможность оценивать собственное состояние и состояние окружающей среды, наличие представления о своем целевом состоянии (то, чего она «хочет», чего она «добивается»), способность вычислять разницу между текущим состоянием и целевым, а также на-

бор доступных ей действий, каждому из которых сопоставлен его ожидаемый результат. Если система устроена так, что она выбирает действия, которые обычно уменьшают разницу между текущим состоянием и целевым, можно сказать, что она стремится к цели (а если мир оказывается достаточно предсказуемым, то и достигает ее). Естественный отбор открыл этот принцип в форме гомеостаза, благодаря которому наши тела, к примеру, регулируют свою температуру дрожью или потоотделением. Когда тот же принцип открыли люди, они применили его для разработки аналоговых систем вроде термостатов и круиз-контроля, а затем и цифровых систем вроде шахматных программ и автономных роботов.

Принципы информации, вычисления и управления перебрасывают мост через пропасть, отделяющую физический мир причины и следствия от интеллектуального мира знания, мышления и цели. Утверждение, что идеи могут менять мир, не просто риторическая фигура – это факт физического устройства человеческого мозга. Мыслители Просвещения догадывались, что мысль представляет собой некое материальное явление, – они сравнивали идеи с отпечатками на воске, колебаниями струны или волнами от проплывающей лодки. А некоторые, как Гоббс, предполагали, что «рассуждение есть не что иное, как подсчитывание», то есть вычисление. Однако до того, как концепции информации и вычисления прояснились, некоторым из них казалось разумным говорить о дуализме души и тела, приписывая интел-

лектуальную жизнь некой нематериальной душе (точно так же, как до прояснения концепции эволюции разумно было быть креационистом и приписывать устройство природы замыслу всевышнего проектировщика). Подозреваю, это еще одна причина, почему многие мыслители Просвещения были деистами.

Разумеется, вполне естественно сомневаться в том, что ваш телефон в самом деле «знает» ваш любимый номер, что ваш навигатор действительно «продумывает» наилучший маршрут или что ваш робот-пылесос искренне «старается» подмести пол. Однако по мере того, как системы обработки информации все совершенствуются, их представления о мире обогащаются, их цели выстраиваются во все более длинные иерархические цепочки из вложенных подцелей, а их направленные на достижение этих целей действия становятся все более разнообразными и все менее предсказуемыми – отказ это признавать начинает смахивать на человеческий шовинизм. (Вопрос о том, объясняют ли информация и вычисление *сознание* в дополнение к знанию, мышлению и цели, я рассмотрю в последней главе.)

Человеческий интеллект остается главным ориентиром для искусственного, а вид *Homo sapiens* отличает от других видов то, что наши предки вложились в развитие более крупного мозга, который собирал больше информации о мире, осмыслял его более сложным образом и совершал больше различных действий для достижения своих целей. Люди за-

няли когнитивную нишу, которую также называют культурной нишей и нишей охотников-собирателей⁴⁹. Эта ниша подразумевала наличие нескольких новых механизмов адаптации, в том числе способность оперировать ментальными моделями мира и прогнозировать исход новых для особи поступков, способность сотрудничать с другими, что позволило группам людей добиваться того, что было не под силу одному, а также наличие языка, который дал людям возможность координировать свои действия и накапливать плоды общего опыта в виде наборов навыков и норм, именуемых культурой⁵⁰. Такие вложения позволили ранним гоминидам преодолеть защиту широкого ряда растений и животных, пожав тем самым богатый урожай энергии для подпитки своего растущего мозга, а следовательно, получать еще больше знаний и добывать еще больше энергии. Хорошо изученное танзанское племя охотников-собирателей хадза живет в той же экосистеме, где впервые возникли современные люди, и, вероятно, ведет примерно тот же образ жизни; хадза извлекают около 3000 калорий на человека в день из более чем 880 видов растений и животных⁵¹. Они формируют свое меню с исключительно человеческой изобретательностью: убивают крупных животных при помощи отравленных стрел, собира-

⁴⁹ Когнитивная ниша: Marlowe 2010; Pinker 1997/2009; Tooby & DeVore 1987; Wrangham 2009.

⁵⁰ Язык: Pinker 1994/2007.

⁵¹ Питание хадза: Marlowe 2010.

ют мед, выкуривая пчел из ульев, и увеличивают питательную ценность мяса и клубней посредством термической обработки.

Энергия, направляемая знанием, – это секрет нашего успешного противостояния энтропии, и новые достижения в добыче энергии означают новые достижения в улучшении человеческой доли. Изобретение земледелия и скотоводства примерно 10 000 лет назад во много раз увеличило доступную калорийность окультуренных растений и одомашненных животных, освободило некоторых членов общества от необходимости заниматься охотой и собирательством и в конечном итоге сделало возможной роскошь писать, мыслить и накапливать идеи. Примерно за 500 лет до нашей эры, в период, который философ Карл Ясперс назвал «осевым временем», несколько культур в разных концах света перешли от систем ритуалов и жертвоприношений, которые лишь оберегали от несчастий, к системам философских и религиозных убеждений, которые поощряли альтруизм и обещали вечную жизнь души⁵². Даосизм и конфуцианство в Китае, индуизм, буддизм и джайнизм в Индии, зороастризм в Персии, иудаизм Второго храма в Иудее и классическая греческая философия и драма возникли с разницей всего в несколько веков. (Конфуций, Будда, Пифагор, Эсхил и последние иудейские пророки ходили по земле примерно в одно время.) Не так давно группа ученых разных специальностей смогла убе-

⁵² Осевое время: Goldstein 2013.

дительно объяснить этот факт⁵³. Дело было не в ауре духовности, внезапно окутавшей планету, но в чем-то куда более прозаичном: в добыче энергии. Именно в «осевое время» аграрные и экономические достижения привели к резкому росту объема доступной энергии до 20 000 калорий в день на человека в виде еды, кормов, топлива и сырья. Благодаря этому всплеску такие цивилизации смогли позволить себе крупные города, отдельный класс интеллектуалов и жречества, а также смену приоритетов с краткосрочного выживания на долгосрочную гармонию. Как тысячелетия спустя скажет Бертольд Брехт, «сначала хлеб, а нравственность – потом»^{54,55}.

Когда промышленная революция высвободила поток пригодной к использованию энергии угля, нефти и падающей воды, она тем самым положила начало Великому побегу от нищеты, болезней, голода, неграмотности и преждевременной смертности – сначала на Западе, а потом и в остальном мире (об этом мы поговорим в главах 5–8). Следующий скачок в благополучии человека – исчезновение крайней нищеты и распространение достатка со всеми его нравственными преимуществами – будет зависеть от появления новых технологий, которые позволят нам добывать энергию приемлемой для всего мира экономической и экологической ценой (гла-

⁵³ Объяснение «осевого времени»: Baumard et al. 2015.

⁵⁴ «Трехгрошовая опера», Второй трехгрошовый финал.

⁵⁵ Пер. С. К. Апта.

Энтро, эво, инфо. Эти концепции определяют канву человеческого прогресса: трагические обстоятельства, которые предначертаны нам от рождения, и те способы, которые позволяют нам улучшить свой удел.

В первую очередь они учат нас вот какой мудрости: *у невзгод не всегда есть виновник*. Крупный, вероятно, даже важнейший прорыв научной революции состоял в отказе от идеи, что Вселенная пронизана неким смыслом. Такое примитивное, но широко распространенное восприятие подразумевает, что все случается по какой-то причине, поэтому, когда происходят плохие вещи – несчастные случаи, болезни, голод, нищета, – это значит, что какая-то сущность этого *хотела*. Если в случившейся неприятности удастся обвинить конкретного человека, его можно наказать или выбить из него компенсацию ущерба. Если такого человека нет, мы можем взвалить вину на ближайшее этническое или религиозное меньшинство, чьих членов можно линчевать или перебить в погромах. Если убедительную кандидатуру виновника совсем не получается найти среди смертных, можно выдумать ведьм, чтобы их жечь или топить. Если и это не выходит, человек начинает винить жестоких богов, которых нельзя наказать, но можно умиловить молитвами и жертва-

ми. Наконец, он обращается к бестелесным сущностям вроде кармы, судьбы, потусторонних посланий и вселенской справедливости, которые могут подтвердить догадку, что «всему есть причина».

Галилей, Ньютон и Лаплас заменили эту моральную драму космического масштаба на представление о Вселенной как о механизме, события в котором случаются из-за текущих условий, а не ради будущих целей⁵⁶. Разумеется, у *людей* есть цели, но проецирование этих целей на устройство природы – лишь иллюзия. Вещи могут случаться вне зависимости от того, каким образом они отразятся на благополучии человека.

Этот вывод научной революции и Просвещения получил дальнейшее развитие благодаря открытию энтропии. Вселенной не только нет дела до наших желаний – при естественном ходе событий всегда будет казаться, что она стремится им помешать, потому что путей неблагоприятного развития ситуации гораздо больше, чем благоприятного. Сколько сгорело домов, сколько утонуло кораблей, сколько было проиграно битв – и все потому, что в кузнице не было гвоздя.

Осознать это безразличие Вселенной еще отчетливей нам помогло понимание эволюции. Хищники, паразиты и болезнетворные организмы постоянно пытаются нас съесть, а нашему имуществу все время угрожают вредители и гниение. Мы от этого страдаем, но им всем совершенно все равно.

⁵⁶ Вселенная как механизм: Carroll 2016; Wootton 2015.

Бедности тоже не требуется объяснений. В мире, которым правят энтропия и эволюция, это естественное состояние человечества. Материя не складывается сама по себе в жилье и одежду, а живые существа прилагают все усилия, лишь бы не стать нашей пищей. Как отмечал Адам Смит, если что и нужно объяснять, так это богатство. При этом даже сегодня, когда мало кто верит, что кто-то несет ответственность за несчастные случаи или болезни, обсуждение проблемы бедности в основном сводится к поиску виноватых.

Всем этим я вовсе не пытаюсь сказать, что мир природы лишен недобрых намерений. Напротив, эволюция обеспечивает их в изобилии. Естественный отбор состоит в конкуренции генов за присутствие в будущих поколениях, и сегодняшние организмы – потомки тех, кто оттеснил своих соперников в борьбе за сексуальных партнеров, еду и доминирование. Это не значит, что все существа стремятся исключительно к собственной выгоде; современная эволюционная теория объясняет, каким образом эгоистичные гены могут порождать неэгоистичные организмы. Но эта щедрость имеет меру. В отличие от клеток в теле или отдельных особей в колониальном организме, люди генетически уникальны: каждый из нас накопил и перетасовал в процессе рекомбинации собственный набор мутаций, сложившийся за поколения воспроизведения под влиянием энтропии. Генетическая индивидуальность наделяет нас разными вкусами и нуждами, что тоже создает почву для раздоров. Семьи, пары, дру-

зья, союзники и общества постоянно сталкиваются с конфликтами интересов, которые приводят к напряжению, ссорам, а иногда и насилию. Еще одно следствие закона энтропии состоит в том, что сложная система вроде организма может быть легко выведена из строя, поскольку ее работоспособность зависит от большого числа маловероятных условий, выполняемых одновременно. Ударить камнем по голове, сдавить рукой шею, метко выстрелить отравленной стрелой – и конкуренция устранена. Для владеющего языком организма еще более привлекательна *угроза* насилия, которая также может вынудить соперника подчиниться и тем самым закладывает основу для угнетения и эксплуатации.

Эволюция обременила нас еще одной ношей: наши когнитивные, эмоциональные и нравственные способности нацелены на индивидуальное выживание и размножение в архаичной среде, а не на общее процветание в современных условиях. Чтобы осознать эту проблему, не нужно полагать, что мы пещерные люди, родившиеся не в свое время; просто скорость эволюции измеряется поколениями, и наш мозг никак не мог успеть приспособиться к современным технологиям и институтам. В наше время люди полагаются на когнитивные способности, которые неплохо подходили для жизни в традиционных обществах, но теперь мы видим, что они имеют много изъянов.

Люди от природы не умеют ни читать, ни считать; их количественные представления об окружающем мире сводят-

ся к «один, два, много» и грубым интуитивным оценкам⁵⁷. Им кажется, что в предметах материального мира есть скрытые сущности, которые подчиняются законам скорее симпатической магии или вуду, нежели физики и биологии: определенные объекты могут сквозь время и пространство воздействовать на вещи, которые на них похожи или с которыми они контактировали в прошлом (вспомните воззрения англичанина 1600 года)⁵⁸. Люди думают, что слова и мысли в виде молитв и проклятий могут влиять на физическую реальность. Они недооценивают вероятность случайностей⁵⁹. Они делают обобщенные выводы на основании крохотной выборки своего личного опыта и руководствуются стереотипами, проецируя типичные черты группы на индивидуумов, которые к ней принадлежат. Они подразумевают причинно-следственную связь при обнаружении корреляции. Они мыслят крупными категориями, деля мир на черное и белое, а еще в материальном ключе, представляя абстрактные связи как нечто конкретное. Они не столько интуитивные ученые, сколько интуитивные юристы и политики, которые оперируют свидетельствами, подтверждающими их правоту, и отмечают те, которые ей противоречат⁶⁰. Они переоценива-

⁵⁷ Природная безграмотность и неумение считать: Carey 2009; Wolf 2007.

⁵⁸ Магическое мышление, волшебные сущности и слова: Oesterdiekhoff 2015; Pinker 1997/2009, chaps. 5, 6; Pinker 2007a, chap. 7.

⁵⁹ Дефекты статистического мышления: Ariely 2010; Gigerenzer 2015; Kahneman 2011; Pinker 1997/2009, chap. 5; Sutherland 1992.

⁶⁰ Интуитивные юристы и политики: Kahan, Jenkins-Smith, & Braman 2011;

ют свои знания, интеллект, нравственность, компетентность и везение⁶¹.

Человеческая моральная интуиция также может идти вразрез с нашим благополучием⁶². Люди демонизируют тех, с кем они не согласны, объясняя несовпадение мнений глупостью или нечестностью. Для каждой беды они ищут козла отпущения. Они воспринимают мораль как источник оснований для порицания соперников и возмущения в их адрес⁶³. Причина для такого порицания может состоять как в том, что обвиняемый нанес кому-то вред, так и в том, что он насмеялся над обычаями, сомневался в авторитетах, подрывал племенную солидарность или имеет нечистые сексуальные или пищевые привычки. Люди воспринимают насилие как нравственное, а не безнравственное явление: на протяжении всей истории человечества число убитых во имя справедливости неизменно превышало число убитых из алчности⁶⁴.

Kahan, Peters, et al. 2013; Kahan, Wittlin, et al. 2011; Mercier & Sperber 2011; Tetlock 2002.

⁶¹ Излишняя самоуверенность: Johnson 2004. Излишняя уверенность в своих знаниях: Sloman & Fernbach 2017.

⁶² Дефекты морали: Greene 2013; Haidt 2012; Pinker 2008a.

⁶³ Мораль как прием осуждения: DeScioli & Kurzban 2009; DeScioli 2016.

⁶⁴ Добродетельное насилие: Fiske & Rai 2015; Pinker 2011, chaps. 8, 9.

Но не во всем мы плохи. Человеческое мышление имеет две особенности, которые позволяют нам преодолеть его ограниченность⁶⁵. Первая такая особенность – это абстрагирование. Люди применяют свое представление о некоем объекте в некоем месте для создания представления о некой сущности при неких обстоятельствах; так, мы берем мыслительный прием «Олень взбежал на холм» и применяем его к мысли «Ребенок пошел на поправку». Люди могут адаптировать свое представление об использовании физической силы для концептуализации других случаев действия, приводящего к результату; так, мы переходим от «Она приложила усилие, чтобы открыть дверь» к «Она приложила усилие, чтобы уговорить Лизу пойти вместе с ней» или «Она сделала над собой усилие, чтоб держаться вежливо». Такие приемы позволяют нам думать о переменной с ее величиной и о причине с ее результатом, то есть обеспечивают понятийный аппарат, необходимый для формулирования теорий и законов. Люди могут производить эти действия не только с отдельными мыслями, но и с более сложными конструкциями и благодаря этому использовать метафоры и проводить аналогии: тепло – это жидкость, сообщение – это пакет, общество – это

⁶⁵ Преодоление когнитивной ограниченности с помощью абстракции и комбинации: Pinker 2007a, 2010.

семья, обязанности – это узы.

Вторая спасительная особенность мышления – это его комбинаторная, рекурсивная сила. Разум способен оперировать невероятным разнообразием идей благодаря своему умению соединять базовые концепции вроде объекта, места, способа, деятеля, причины и цели в утверждения. Разум порождает не только утверждения, но и утверждения об утверждениях и утверждения об утверждениях об утверждениях: тело содержит разные жидкости; болезнь – это нарушение баланса телесных жидкостей; я больше не верю в теорию, что болезнь – это нарушение баланса телесных жидкостей.

Благодаря языку идеи не только приобретают абстрактный характер и по-разному сочетаются в голове конкретной мыслящей личности, но и могут накапливаться в сообществе мыслителей. Томас Джефферсон рассуждал о силе языка при помощи аналогии: «Тот, с кем я делюсь своей идеей, обогащается знанием, не уменьшая при этом моего; тот, кто зажигает свою свечу от моей, не погружает меня во тьму»⁶⁶. Мощь языка как самого первого приложения для обмена данными во много раз выросла после возникновения письменности (а в более поздние эпохи – в результате изобретения печатного станка, распространения грамотности и появления электронных носителей информации). Сети общающихся между собой мыслителей разрастались по мере того, как население росло, перемешивалось и концентрировалось

⁶⁶ Письмо к Айзеку Макферсону, *Writings* 13:333–35; Ridley 2010, p. 247.

в городах. А поскольку количество доступной энергии превосходило необходимый для выживания минимум, эти мыслители могли позволить себе роскошь размышлений и разговоров.

Когда крупные сообщества тесно связанных между собой людей сформировались, они нашли способы организовывать свое функционирование к общей выгоде своих участников. Хотя каждый хочет быть правым, как только люди начинают высказывать свои противоречивые мнения, становится понятно, что все не могут быть правы насчет всего. Кроме того, желание оказаться правым порой сталкивается со вторым желанием – узнать истину, – которое явно важнее всего для свидетелей спора, не заинтересованных в победе той или иной стороны. Таким образом, сообщества могут устанавливать правила, которые позволяли бы истинным выводам рождаться в хаосе дискуссий. Например: в пользу своих убеждений нужно приводить доводы, разрешается указывать на слабые места чужих убеждений, запрещается силой заставлять молчать несогласных. Добавьте сюда еще правило: окружающему миру необходимо дать возможность подтвердить или опровергнуть истинность ваших убеждений, – и мы уже можем называть эти правила наукой. При наличии верных правил сообщество не совсем рациональных мыслителей может возвращать рациональные идеи⁶⁷.

Мудрость толпы также способна совершенствовать наши

⁶⁷ Коллективный разум: Haidt 2012; Mercier & Sperber 2011.

моральные воззрения. Когда достаточно широкий круг людей пытается прийти к общему пониманию, как нужно относиться друг к другу, дискуссия неизбежно пойдет в определенном направлении. Если мое начальное предложение звучит как «Я буду грабить, избивать, порабощать и убивать вас и таких, как вы, но вы не будете грабить, избивать, порабощать и убивать меня и таких, как я», я не могу рассчитывать, что вы на него согласитесь, а третья сторона его утвердит, поскольку у меня нет никаких разумных оснований пользоваться привилегиями только потому, что я – это я, а вы – нет⁶⁸. Со столь же малой вероятностью мы согласимся и на уговор «Я буду грабить, избивать, порабощать и убивать вас и таких, как вы, а вы будете грабить, избивать, порабощать и убивать меня и таких, как я», несмотря на его симметричность, ведь, какую бы выгоду мы ни получали от причинения вреда другим, ее все равно значительно перевесит ущерб, который мы понесем сами (еще одно следствие закона энтропии: ущерб нанести проще, чем получить выгоду, и последствия он имеет более серьезные). Мудрее было бы прийти к такому социальному контракту, который окажется бесприоритетным для всех: ни одна сторона не будет причинять вред другой и обе будут поощряться помогать друг другу.

Так что при всех недостатках человеческой природы в ней заложены семена ее совершенствования; нужны лишь нор-

⁶⁸ Сотрудничество и эквивалентность точек зрения: Nagel 1970; Pinker 2011; Singer 1981/2011.

мы и институты, которые будут направлять частные интересы так, чтобы они работали на всеобщую выгоду. К таким нормам относятся свобода слова, отказ от насилия, сотрудничество, космополитизм, права человека и признание, что человеку свойственно ошибаться, а к институтам – наука, образование, средства массовой информации, демократическое правление, международные организации и рынки. Со всем не случайно именно они стали основными изобретениями Просвещения.

Глава 3

Движения контрпросвещения

Кто может быть против разума, науки, гуманизма и прогресса? Эти слова – улада для слуха; эти идеалы непререкаемы. Они определяют смысл существования всех институтов современности – школ, больниц, благотворительных обществ, новостных агентств, демократических правительств, международных организаций. Неужели этим идеалам нужна защита?

Еще как нужна. Начиная с 1960-х годов доверие к этим институтам современности стало падать, а во втором десятилетии XXI века большое распространение получили популистские движения, которые открыто отвергают идеалы Просвещения⁶⁹. Им ближе ценности племени, а не космополитизм, авторитарная власть, а не демократия; они скорее презирают экспертов, а не уважают знания; и они склонны ностальгировать по идиллическому прошлому, а не надеяться на светлое будущее. Однако подобное отношение ни в каком случае не свойственно исключительно политическому по-

⁶⁹ Снижение доверия к институтам: Twenge, Campbell, & Carter 2014. Mueller 1999, pp. 167–68. Пик доверия к институтам, не превзойденный ни до, ни после, пришелся на 1960-е. Падение доверия к науке среди консерваторов: Gauchat 2012. Популизм: Inglehart & Norris 2016; J. Müller 2016; Norris & Inglehart 2016; см. также главы 20 и 23.

пулизму XXI века (это движение мы рассмотрим в главах 20 и 23). Презрение к разуму, науке, гуманизму и прогрессу отнюдь не зародилось в народных низах и отнюдь не сводится к желанию невежд выплеснуть свою агрессию – его корни уходят глубоко в культуру интеллектуальной и творческой элиты.

Самая распространенная критика Просвещения как проекта – что это западное изобретение, неприменимое в масштабе планеты во всем ее разнообразии, – дважды ошибочна. Во-первых, всякая идея должна где-то возникнуть, и ее географическое происхождение никак не влияет на ее ценность. Пускай многие идеи Просвещения были наиболее наглядно сформулированы и получили наибольшее распространение именно в Европе и Америке XVIII века, они являются плодом разума и человеческой природы, поэтому любой рационально мыслящий человек способен ими оперировать. Именно поэтому идеалы Просвещения много раз на протяжении истории провозглашались и вне западных цивилизаций⁷⁰.

Но когда я слышу, что Просвещение – это главный идеал, которым руководствуется Запад, моя первая реакция: ах, если бы! Сразу за Просвещением последовало контрпросвещение, и с тех пор Запад так и не пришел к единству по это-

⁷⁰ Просвещение за пределами Запада: Conrad 2012; Kurlansky 2006; Pelham 2016; Sen 2005; Sikkink 2017.

му вопросу⁷¹. Стоило людям выйти на свет, как им стали говорить, что в темноте было не так уж плохо, что хватит уже иметь мужество пользоваться собственным умом, что положениям и формулам стоит дать второй шанс и что первоначальное назначение человеческой природы заключается в движении не вперед, а к упадку.

Особенно сильно идеалам Просвещения противились мыслители романтизма. Руссо, Иоганн Гердер, Фридрих Шеллинг и другие отрицали, что разум отделим от эмоций, что личность можно рассматривать вне ее культуры, что люди должны выдвигать рациональные обоснования для своих поступков, что одни и те же ценности применимы в разное время и в разных местах, что мир и благополучие – это то, к чему нужно стремиться. Человек для них есть часть органического целого – культуры, расы, нации, религии, духа или исторической силы; люди должны творчески воплощать то вечное единство, к которому они относятся. Наивысшее благо представляет собой героическая борьба, а не решение проблем; насилие присуще природе, и подавлять его – значит лишать жизнь ее живой сути. «Лишь три существа достойны уважения, – писал Шарль Бодлер, – жрец, воин и поэт. Знать, убивать и творить»⁷².

Звучит безумно, но и в XXI веке эти идеалы контрпро-

⁷¹ Контрпросвещение: Berlin 1979; Garrard 2006; Herman 1997; Howard 2001; McMahon 2001; Sternhell 2010; Wolin 2004; см. также главу 23.

⁷² Пер. Л. Н. Ефимова.

свещения продолжают поразительно часто встречаться среди представителей на удивление широкого спектра движений культурной и интеллектуальной элиты. Убеждение, что нам нужно прикладывать коллективный разум для поощрения процветания и уменьшения страдания, считается нелепым, наивным, непродуктивным, примитивным. Позвольте представить вам несколько популярных альтернатив разуму, науке, гуманизму и прогрессу; я буду упоминать их и в других главах, а в третьей части книги вступлю с ними в прямую дискуссию.

Самая очевидная из альтернатив – это религиозная вера. Взять что-то на веру означает принять это безо всякой разумной причины, так что вера в сверхъестественные сущности по определению противоречит принципу разума. Религия также часто идет вразрез с гуманизмом, ставя выше человеческого благополучия некую нравственную ценность, скажем существование божественного спасителя, истинность священных текстов, соблюдение ритуалов и запретов, обращение остальных в ту же веру, наказание или демонизацию тех, кто ее не разделяет. Кроме того, религия противоречит гуманизму, говоря, что *души* важнее *жизней*; это совсем не такое возвышенное утверждение, как может показаться на первый взгляд. Вера в загробную жизнь предполагает, что здоровье и счастье не так уж важны, ведь земная жизнь – лишь бесконечно малая часть бытия человека, что принудить человека к принятию спасения души – значит

сделать ему одолжение и что мученичество – это, возможно, лучшее, что с вами может случиться. Что касается несовместимости религии с наукой, таким примерам нет числа как в истории, так и в новостях, начиная от Галилея и «обезьяньего процесса»⁷³ и заканчивая исследованиями стволовых клеток и глобальным потеплением.

Вторая идея контрпросвещения заключается в том, что люди – это взаимозаменяемые клетки некоего сверхорганизма: клана, племени, этнической группы, конфессии, расы, класса или нации. В таком случае первичной ценностью является величие этого сообщества, а не благополучие составляющих его личностей. Очевидным примером этой идеи служит национализм, в котором сверхорганизм представляет собой национальное государство, то есть этническую группу со своим правительством. Столкновение национализма и гуманизма мы видим в мрачных патриотических лозунгах вроде *Dulce et decorum est pro patria mori* («Честь и радость – пасть за отечество!»⁷⁴) или «Счастливы те, кто с сияющей верой приняли разом смерть и победу»⁷⁵. Даже не столь жуткое изречение Джона Кеннеди: «Не спрашивай, что может

⁷³ Дело «Штат Теннесси против Джона Томаса Скоупса» (1925–1926) – судебный процесс над школьным учителем Джоном Скоупсом, обвиненным в нарушении «акта Батлера», запрещавшего преподавание теории эволюции в школах штата Теннесси. – *Прим. ред.*

⁷⁴ Пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского.

⁷⁵ Надпись на фреске Джона Сарджента «Смерть и победа» (1922), Библиотека Уиденера, Гарвардский университет.

сделать для тебя твоя страна; спроси, что ты можешь сделать для своей страны» – наглядно демонстрирует эти противоречия.

Национализм не стоит путать с гражданскими ценностями, духом общественной солидарности, социальной ответственностью или гордостью за свою культуру. Люди – социальный вид, и благополучие каждой личности зависит от пронизывающих все общество установок на кооперацию и гармонию. Когда «нация» понимается как негласный общественный договор между людьми, проживающими на одной территории, – что-то вроде соглашения между обитателями многоквартирного дома, – она играет ключевую роль в улучшении жизни своих членов. И разумеется, поступок человека, который решит пожертвовать своими интересами ради интересов многих других, заслуживает искреннего восхищения. Совсем другое дело, когда человека заставляют идти на высшую жертву во имя харизматичного лидера, куска ткани или цветных пятен на карте. Нет ни чести, ни радости в том, чтобы принять смерть, лишь бы удержать провинцию в составе империи, расширить сферу влияния или «воссоединить исконные земли».

Религия и национализм – характерные идеи политического консерватизма, и они продолжают сказываться на судьбах миллиардов людей в тех странах, где имеют широкое распространение. Многие мои коллеги левых взглядов, узнав, что я собираюсь писать книгу о разуме и гуманизме, с вооду-

шевением поддерживали меня, предвкушая целый арсенал тезисов против правых. Но не так давно левые сами сочувствовали национализму, если только он был присущ марксистским освободительным движениям. Многие представители левых и теперь поддерживают сторонников политики идентичности и борцов за социальную справедливость, готовых ущемлять права личности ради выравнивания положения рас, классов или гендеров, которые, на их взгляд, вовлечены в конфликт с нулевой суммой.

У религии также имеются защитники в обеих частях политического спектра. Даже авторы, не готовые защищать буквальное содержание религиозных догматов, порой яростно отстаивают саму религию и не приемлют идею, что науке и разуму есть что сказать о нравственности (о существовании гуманизма многие из них как будто даже не слышали)⁷⁶. Защитники религии утверждают, что она обладает исключительным правом на вопросы о том, что важно, а что нет. Или что нам, людям искушенным, религия, может, и не нужна для нравственной жизни, но вот широким массам без нее никак. Или что, даже если всем было бы лучше без религиозной веры, бессмысленно рассуждать о ее месте в мире, поскольку она является частью человеческой природы и потому, в насмешку над надеждами Просвещения, влиятельна в наше время, как никогда. В главе 23 я рассмотрю все эти утверждения.

⁷⁶ Неверующие защитники религии: Соупе 2015; см. также главу 23.

Левые склонны симпатизировать еще одному движению, которое подчиняет интересы личности интересам трансцендентной сущности – экосистемы. Романтическое движение зеленых видит в добыче людьми энергии не способ сопротивления энтропии и улучшения человеческой доли, но чудовищное преступление против природы, чье суровое правосудие настигнет нас впоследствии в виде войн за ресурсы, отравленных воздуха и воды, а также ведущего к закату цивилизации глобального потепления. Единственное спасение для нас – раскаяться, отказаться от технологий и экономического роста и вернуться к более простому и естественному образу жизни. Разумеется, никакой осведомленный человек не станет отрицать урон, причиненный природным системам деятельностью человека, как и тот факт, что его последствия могут стать катастрофическими, если ничего не предпринимать. Вопрос в том, *действительно* ли сложное, технологически развитое общество обречено ничего не предпринимать. В главе 10 мы рассмотрим гуманистическое движение в защиту окружающей среды, близкое идеалам скорее Просвещения, нежели романтизма, которое иногда называют экомодернизмом или экопрагматизмом⁷⁷.

Левые и правые политические идеологии сами по себе превратились в светские религии: у их последователей есть сообщество единомышленников, катехизис священных дог-

⁷⁷ Экомодернизм: Asafu-Adjaye et al. 2015; Ausubel 1996, 2015; Brand 2009; DeFries 2014; Nordhaus & Shellenberger 2007; см. также главы 10.

матов, густонаселенная демонология и блаженная уверенность в правоте своего дела. В главе 21 мы увидим, как политическая идеология вредит разуму и науке⁷⁸. Она лишает людей способности к здравому рассуждению, пробуждает примитивный узкогрупповой подход и отвлекает от более четкого понимания того, как улучшить этот мир. Ведь, в конце концов, наши величайшие враги – не политические противники, но энтропия, эволюция (в форме эпидемий и изъязнов человеческой природы) и – в первую очередь – невежество, нехватка знаний, как лучше всего решать наши проблемы.

Последние два движения контрпросвещения перекидывают мостик через пропасть, отделяющую правых от левых. Уже почти два столетия очень разные авторы провозглашают, что современная цивилизация отнюдь не пожинает плоды прогресса, но непрерывно переживает упадок и находится на грани полного краха. В своей книге «Идея упадка в западной истории» (*The Idea Of Decline In Western History*) историк Артур Херман перечисляет пессимистов последних двух веков, которые били тревогу из-за расовой, культурной, политической и экологической деградации. Судя по всему, мир уже довольно давно катится к апокалипсису⁷⁹.

Одна из форм такого упадничества заключается в сетова-

⁷⁸ Проблемы, связанные с идеологией: Duarte et al. 2015; Haidt 2012; Kahan, Jenkins-Smith, & Braman 2011; Mercier & Sperber 2011; Tetlock & Gardner 2015; см. также главу 21.

⁷⁹ Перефразированная цитата из отзыва Майкла Линда с обложки книги Хермана (Herman 1997). См. также Nisbet 1980/2009.

ниях по поводу нашего вдохновленного Прометеем баловства с технологиями⁸⁰. Отобрав огонь у богов, мы лишь снабдили свой биологический вид средствами самоистребления, которого мы и добьемся если не отравив окружающую среду, то утратив контроль за ядерным оружием, нанотехнологиями, кибертеррором, биотеррором, искусственным интеллектом и другими смертельно опасными для мира изобретениями (глава 19). И даже если нашей технологической цивилизации удастся избежать полного уничтожения, она неуклонно скатывается в антиутопию, полную насилия и несправедливости: дивный новый мир терроризма, дронов, потогонных фабрик, банд, торговли людьми, беженцев, неравенства, кибербуллинга, сексуального насилия и преступлений на почве ненависти.

Иной тип упадничества видит проблему в обратном: не в том, что современность сделала жизнь слишком тяжелой и опасной, но в том, что она слишком беззаботна и благополучна. Эти критики считают здоровье, мир и процветание буржуазными уловками для отвлечения внимания от того, что действительно имеет значение. Потакая этим мещанским утехам, технологический капитализм обрекает людей на существование в пустыне атомизированного, конформистского, потребительского, материалистичного, безликого, погрязшего в рутине, лишённого корней и души обще-

⁸⁰ Экопессимизм: Bailey 2015; Brand 2009; Herman 1997; Ridley 2010; см. также главу 10.

ства. В этом абсурдном существовании люди страдают от отчуждения, тревоги, морального разложения, апатии, ложных идеалов, уныния, неудовлетворенности и тошноты; мы лишь «полые люди, что едят свои голые завтраки на бесплодной земле в ожидании Годо»⁸¹ (эти утверждения я разберу в главах 17 и 18). В сумерках декадентской, вырождающейся цивилизации истинное освобождение кроется не в стерильном рационализме или изнеженном гуманизме, но в аутентичном, героическом, целостном, органичном, священном, первичном для жизни бытии-в-себе и воле к власти. Если вам интересно знать, в чем же заключается этот священный героизм, Фридрих Ницше, автор термина «воля к власти», видит его в аристократичном насилии «белокурых германских бестий»⁸², самураев, викингов и героев Гомера – «твердых, холодных, жестоких, бесчувственных и бессовестных, раздавливающих все и залитых кровью»⁸³. (Эти моральные принципы мы подробнее рассмотрим в последней главе.)

Херман отмечает, что интеллектуалы и деятели искусства, которые предвидят конец цивилизации, реагируют на свои предчувствия в одном из двух ключей. У исторических пессимистов перспектива всеобщего краха вызывает ужас, при

⁸¹ Коллаж из образов Томаса Стернза Элиота, Уильяма Берроуза и Сэмюэла Беккета, приведенный историком литературы Хокси Фэрчайлдом в книге «Религиозные тенденции в английской поэзии» (Religious Trends in English Poetry). Цит. по Nisbet 1980/2009, p. 328.

⁸² Пер. К. А. Свасьяна.

⁸³ Залитые кровью герои: Nietzsche 1887/2014.

этом они переживают, что мы никак не можем его предотвратить. Культурные пессимисты ждут его с «омерзительным ехидством». Современность настолько исчерпала себя, говорят они, что ее невозможно улучшить – только оставить позади. Из ее руин восстанет новый порядок, который неизбежно превзойдет ее.

Последняя альтернатива гуманизму Просвещения порицает его опору на науку. Вслед за Чарльзом Перси Сноу мы можем назвать это мировоззрение многих высоколобых литераторов и критиков «второй культурой» – в противовес «первой культуре» науки⁸⁴. Сноу говорил о вреде железного занавеса между этими двумя культурами и призывал к более плотной интеграции науки в интеллектуальную жизнь. И дело не только в том, что наука «по своей интеллектуальной глубине, сложности и гармоничности... является наиболее прекрасным и удивительным творением, созданным коллективными усилиями человеческого разума»⁸⁵⁸⁶. Знание науки, утверждал он, – нравственный долг, поскольку наука может уменьшить страдания в глобальном масштабе: исцелить болезни, накормить голодных, спасти жизни младенцев и матерей, позволить женщинам контролировать свою репродуктивную функцию.

⁸⁴ Сноу не приписывал своим двум культурам порядковых номеров, но последующая традиция пронумеровала их таким образом; см., напр., Brockman 2003.

⁸⁵ Snow 1959/1998, p. 14.

⁸⁶ Пер. Ю. С. Родман.

И хотя доводы Сноу кажутся сегодня провидческими, знаменитый ответ на его лекцию литературного критика Фрэнка Реймонда Ливиса был настолько резким, что для его публикации в 1962 году журналу *The Spectator* пришлось попросить у Сноу обещание не подавать в суд за клевету⁸⁷. Заявив о «решительном отсутствии выдающихся интеллектуальных качеств и... постыдной вульгарности стиля» Сноу, Ливис высмеял систему ценностей, в которой «"уровень жизни" предстает высшим мерилom, а его рост – высшей целью»⁸⁸. Об альтернативе этой этике он писал:

Соприкасаясь с великой литературой, мы открываем в себе нашу истинную веру. Для чего? В чем смысл? Зачем живет человек? – эти вопросы затрагивают то, что я не могу назвать иначе, как религиозной глубиной мысли и чувства.

(Любой, кому «глубина мысли и чувства» позволяет сопереживать женщине из третьего мира, которая смогла выжить в родах благодаря повышению уровня жизни, и кто способен после этого помножить это чувство сопереживания на сотни миллионов подобных случаев, задастся вопросом, почему «соприкосновение с великой литературой» превосходит «рост уровня жизни» как нравственный критерий «нашей истинной веры» и почему их вообще нужно противопоставлять друг другу.)

⁸⁷ Негодование Ливиса: Leavis 1962/2013; см. Collini 1998, 2013.

⁸⁸ Leavis 1962/2013, p. 71.

Как мы увидим в главе 22, в наши дни точку зрения Ливиса разделяет обширный круг представителей «второй культуры». Многие интеллектуалы и критики выражают свое презрение к науке, воспринимая ее не иначе как способ решения самых приземленных проблем. По их мнению, потребление элитарного искусства – вот высшее нравственное благо. Их метод поиска истины состоит не в выдвигании гипотез и приведении доказательств, но в провозглашении неких сентенций, построенных исключительно на широте их эрудиции и прочитанных за всю жизнь книгах. Интеллектуальные журналы регулярно осуждают «сциентизм» – вторжение науки на территорию таких гуманитарных сфер, как политика или искусство. Во многих колледжах и университетах наука преподносится не как поиск истинных объяснений, но как один из нарративов или мифов. Науку часто обвиняют в расизме, империализме, мировых войнах и Холокосте. Ее упрекают в том, что она отнимает у жизни ее очарование и отказывает людям в свободе и достоинстве.

Как мы видим, гуманизм Просвещения далеко не так популярен. Идея, что высшее благо заключается в использовании знаний для повышения благополучия человека, многих оставляет равнодушными. Глубокие объяснения загадок Вселенной, планеты, жизни, мозга? Если тут не задействована магия, нам такого не надо! Спасение миллиардов жизней, избавление от болезней, борьба с голодом? Тоска. Сопереживание всему человечеству? Ну нет! Мы хотим, чтобы за-

конам природы было до нас дело. Долголетие, здоровье, понимание, красота, свобода, любовь? Не может быть, чтобы жизнь ограничивалась только этим!

Но прежде всего людям встала поперек горла идея прогресса. Даже те, кто в теории считает использование знаний для повышения благополучия человека неплохой идеей, настаивают, что на практике из этого ничего не выйдет. Новости, которые они слышат каждый день, только усугубляют их скептицизм: мир видится им юдолью скорби, печальной повестью, пучиной отчаяния. Поскольку любая защита разума, науки и гуманизма была бы бесполезной, если спустя двести пятьдесят лет после Просвещения мы все еще жили бы ничуть не лучше наших средневековых предков, нам нужно начать с оценки человеческого прогресса.

Часть II

Прогресс

Если бы вам пришлось выбирать, в какой момент истории родиться, не зная заранее, кем вы станете – родитесь ли вы в богатой или в бедной семье, в какой стране, будете вы мужчиной или женщиной, – если бы вам пришлось делать выбор вслепую, вы бы выбрали наше время.

БАРАК ОБАМА, 2016 ГОД

Глава 4

Прогрессофобия

Интеллектуалы ненавидят прогресс. Интеллектуалы, которые называют себя «прогрессивными», *всей душой* ненавидят прогресс. Заметьте, они ненавидят не *плоды* прогресса: большинство экспертов, критиков и их благонамеренных читателей, скорее всего, пользуются компьютерами, а не перьями и чернильницами и предпочитают операцию под наркозом операции без него. Класс профессиональных говорунов раздражает *идея* прогресса – просвещенческое убеждение, что путем понимания мира мы можем сделать человеческую судьбу лучше.

Для выражения их презрения сформировался целый словарь ругательств. Если вы считаете, что знания могут помочь решить проблемы, вами движут «квазирелигиозные убеждения» и «слепая вера» в «отжившие суеверия», «пустые обещания» и «миф» о «победном шествии» «неизбежного прогресса». Вы «пропагандист» «вульгарной американской уверенности в успехе», пропитанный духом «корпоративной идеологии», «Кремниевой долины» и «торговых палат». Вы приверженец «либерального взгляда на историю», Поллианна⁸⁹ и, конечно же, Панглос – современная версия философа из вольтеровского «Кандида», уверенного, что «все к лучшему в этом лучшем из возможных миров».

Профессора Панглоса на самом деле мы бы сейчас назвали пессимистом. Современный оптимист верит, что мир может быть *гораздо, гораздо* лучше, чем сейчас. Сатира Вольтера направлена не на веривших в прогресс деятелей Просвещения, а, напротив, на религиозную рационализацию страданий в форме доктрины теодицеи, которая гласит, что у Бога не было иного выбора, кроме как допустить эпидемии и кровопролития, поскольку без них мир метафизически невозможен.

Ругательства – это еще полбеды; идею того, что мир сейчас лучше, чем раньше, и может стать еще лучше в будущем, образованные круги не жалуют уже давно. В книге

⁸⁹ Поллианна – неунывающая 11-летняя героиня одноименного романа американской писательницы Элинор Портер, вышедшего в 1913 году. – *Прим. ред.*

«Идея упадка в западной истории» Артур Херман демонстрирует, что роковой конец человечеству прочили все звезды гуманитарной программы американских университетов, в том числе Ницше, Артур Шопенгауэр, Мартин Хайдеггер, Теодор Адорно, Вальтер Беньямин, Герберт Маркузе, Жан-Поль Сартр, Франц Фанон, Мишель Фуко, Эдвард Саид, Корнел Уэст и целый хор экопессимистов⁹⁰. Окидывая взором панораму интеллектуальной жизни конца XX века, Херман с горечью описывает «грандиозное прощание» со «светилами» гуманизма эпохи Просвещения – с теми, кто верил, что «раз люди создают конфликты и проблемы в обществе, они же могут их разрешать». В книге «Прогресс. История идеи» (*History of the Idea of Progress*) социолог Роберт Нисбет соглашается с ним: «Скептицизм в отношении прогресса, бывший в XIX веке уделом небольшой группы западных интеллектуалов, к последней четверти XX века широко распространился и сегодня разделяется не только огромным большинством интеллектуалов, но и миллионами обычных жителей Запада»^{91,92}.

Да, не только те, кто зарабатывает на жизнь интеллекту-

⁹⁰ Herman 1997, p. 7. Кроме них, Херман упоминает Джозефа Кэмпбелла, Ноама Хомски, Джоан Дидион, Эдгара Докторуо, Пола Гудмана, Майкла Харрингтона, Роберта Хейлбронера, Джонатана Козола, Кристофера Лэша, Норма-на Мейлера, Томаса Пинчона, Киркпатрика Сэйла, Джонатана Шэлла, Ричарда Сеннета, Сьюзен Зонтаг, Гора Видала и Гарри Уиллса.

⁹¹ Nisbet 1980/2009, p. 317.

⁹² Пер. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова.

альным трудом, считают, что мир катится в тартарары. Так думают и обычные люди – когда они переключаются в режим философских рассуждений. Психологи давно отметили, что люди склонны смотреть на свою собственную жизнь сквозь розовые очки: мы все полагаем, что у нас меньше шансов столкнуться с разводом, сокращением, аварией, болезнью или насилием, чем у среднестатистического человека. Но стоит спросить нас не про нашу *жизнь*, но про наше *общество*, как мы из Поллианны сразу же превращаемся в ослика Иа.

Исследователи общественного мнения назвали это явление «разрывом в оптимизме»⁹³. На протяжении более двух десятилетий европейцы, в какие бы периоды, плохие или хорошие, их ни опрашивали, всегда отвечали, что в следующем году они рассчитывают на улучшение *своего* финансового положения, но что экономическая ситуация *в их стране*, вероятнее всего, ухудшится⁹⁴. Значительное большинство британцев считает иммиграцию, подростковые беременности, мусор, безработицу, преступность, вандализм и наркотики проблемами Великобритании в целом, но не проблемами своей округи⁹⁵. Граждане многих стран также склонны пола-

⁹³ Разрыв в оптимизме: McNaughton-Cassill & Smith 2002; Nagdy & Roser 2016b; Veenhoven 2010; Whitman 1998.

⁹⁴ Результаты опросов EU Eurobarometer, цит. по Nagdy & Roser 2016b.

⁹⁵ Данные опроса Ipsos, “Perils of Perception (Topline Results),” 2013, <https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/ipsos-mori-rss-kings-perils-of-perception-topline.pdf>, цит. по Nagdy & Roser

гать, что загрязненность окружающей среды выше в остальной стране, чем в их городе, и в остальном мире, чем в их стране⁹⁶. Практически каждый год с 1992-го по 2015-й – в эпоху, когда число насильственных преступлений резко упало, – больше половины американцев отвечали социологам, что уровень преступности растет⁹⁷. В конце 2015 года большинство жителей одиннадцати развитых стран считало, что «мир становится хуже», а почти все последние сорок лет подавляющее большинство американцев соглашалось, что их страна «движется в неверном направлении»⁹⁸.

Правы ли они? Верно ли придерживаться пессимистической точки зрения? Действительно ли мир устремляется все ниже и ниже, как полосы на вращающихся барабанах у дверей парикмахерских?⁹⁹ Легко понять, почему у людей воз-

2016b.

⁹⁶ Dunlap, Gallup, & Gallup 1993, цит. по Nagdy & Roser 2016b.

⁹⁷ J. McCarthy, “More Americans Say Crime Is Rising in U.S.,” *Gallup.com*, Oct. 22, 2015, <http://www.gallup.com/poll/186308/americans-say-crime-rising.aspx>.

⁹⁸ Мир становится хуже – так считает большая часть населения Австралии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Великобритании, Гонконга, Норвегии, Сингапура, Швеции и США; то же самое касается Малайзии, Таиланда и ОАЭ. Китай оказался единственной страной, в которой число респондентов, ответивших, что мир улучшается, превзошло число тех, кто считает, что он ухудшается. YouGov poll, Jan. 5, 2016, <https://yougov.co.uk/news/2016/01/05/chinese-people-are-most-optimistic-world/>. США движутся в неверном направлении: Dean Obeidallah, “We’ve Been on the Wrong Track Since 1972,” *Daily Beast*, Nov. 7, 2014, <http://www.pollingreport.com/right.htm>.

⁹⁹ В США традиционный способ отмечать парикмахерскую – устанавливать у входа в нее особый символ, вращающийся барабан со спиральными полосами

никает такое ощущение: каждый день они получают новости о войне, терроризме, преступлениях, загрязнении, неравенстве, наркомании и угнетении. И речь не только об актуальных заголовках, но и о редакционных колонках и о крупных работах репортажного жанра. Журнальные обложки предупреждают нас о грядущих беспорядках, бедствиях, эпидемиях и крахах, а также о таком количестве «кризисов» (будь то сфера сельского хозяйства, здравоохранения, пенсионного обеспечения, энергетики или бюджетного планирования), что редакторам приходится теперь прибегать к тавтологиям вроде «серьезного кризиса».

Вне зависимости от того, становится ли мир хуже или нет, сама природа новостей вкупе с природой нашего сознания гарантирует, что нам всегда так кажется. В новостях говорят о вещах, которые происходят, а не о тех, которые не происходят. Мы никогда не услышим, чтобы журналист сказал в камеру: «Я веду свой репортаж из страны, где не разразился военный конфликт», – или из города, по которому не нанесли авиаудар, или из школы, в которой не случилась стрельба. Пока плохие вещи не исчезнут с лица земли, всегда найдется достаточно происшествий, чтобы заполнить новостной эфир, тем более теперь, когда миллиарды мобильных телефонов превращают почти любого жителя планеты в репортера криминальной хроники или военного корреспондента.

А среди тех вещей, которые все же происходят, положи-

тельные и отрицательные совершенно по-разному развиваются во времени. Новости – отнюдь не «первый набросок истории»; по своей сути они ближе к комментарию во время спортивного матча. В них фигурируют отдельные события, обычно те, которые произошли с прошлого выпуска (раньше – за прошедший день, сейчас – за несколько последних секунд)¹⁰⁰. Что-то плохое случается, как правило, очень быстро, а хорошее – совсем не сразу, и потому оно выпадает из новостного цикла. Исследователь проблем международного насилия Йохан Галтунг заметил, что, если бы газеты выходили раз в пятьдесят лет, в них бы не печатали сплетни о звездах и детали политических скандалов за полвека. Там бы сообщалось об исторических переменах глобального масштаба вроде увеличения ожидаемой продолжительности жизни¹⁰¹.

Такая природа новостей легко искажает представления людей о мире из-за неудачной особенности нашего мышления, которую психологи Амос Тверски и Даниэль Канеман окрестили «эвристикой доступности»: люди оценивают вероятность события или частоту явления по тому, насколько легко им удастся вспомнить соответствующие примеры¹⁰².

¹⁰⁰ Источник фразы «первый набросок истории»: В. Popik, “First Draft of History (Journalism),” *BarryPopik.com*, http://www.barrypopik.com/index.php/new_york_city/entry/first_draft_of_history_journalism/.

¹⁰¹ Периодичность СМИ и природа новостей: Galtung & Ruge 1965.

¹⁰² Эвристика доступности: Kahneman 2011; Slovic 1987; Slovic, Fischhoff, & Lichtenstein 1982; Tversky & Kahneman 1973.

Во многих сферах жизни это относительно эффективный метод оценки. Частые события сильнее отпечатываются в памяти, поэтому наиболее устойчивые воспоминания в целом указывают на наиболее частые события: не будет преувеличением сказать, что голубей в городах водится больше, чем иволг, хотя опираемся мы при этом исключительно на собственные воспоминания о встречах с ними, а не на результаты орнитологических наблюдений. Но стоит вспоминанию оказаться в первых строках результата мысленного поиска по причинам иным, нежели частота события, – например, это воспоминание очень свежее, или яркое, или жуткое, или из ряда вон выходящее, или травмирующее, – как люди начинают переоценивать вероятность, с которой такое событие случается в реальном мире. Каких слов в английском языке больше – тех, что начинаются с *k*, или тех, в которых *k* стоит третьей? Большинство людей выберут первый вариант. На самом деле слов с буквой *k* на третьем месте в три раза больше (*ankle, ask, awkward, bake, cake, make, take...*), но мы ранжируем слова по букве, с которой они начинаются, поэтому *keep, kind, kill, kid* и *king* всплывают в памяти быстрее.

Эвристика доступности часто оказывается причиной нелепых человеческих суждений. Студенты первых курсов медицинских институтов принимают любую сыпь за экзотическую болезнь, а отдыхающие боятся заходить в море, если они только что прочитали про нападение акулы или посмот-

рели фильм «Челюсти»¹⁰³. О крушениях самолетов всегда сообщают в новостях, а об автокатастрофах, в которых погибает гораздо больше людей, – практически никогда. Неудивительно, что многие боятся летать, но почти никто не боится ездить на машине. Люди считают, что торнадо (в которых погибают примерно пятьдесят американцев в год) – более частая причина смерти, чем астма (от которой умирает более четырех тысяч американцев в год), – надо думать, оттого, что торнадо эффектнее выглядит на телеэкране.

Нетрудно понять, каким образом эвристика доступности, вкуче со страстью новостных медиа освещать насилие, может вызвать мрачное ощущение обреченности нашего мира. Исследователи СМИ, которые ведут подсчет сюжетов разного типа или предлагают редакторам на выбор несколько новостных историй, а потом наблюдают за тем, какие они в итоге выберут и как их подадут, подтверждают, что люди, ответственные за наполнение нашего эфира, при прочих равных всегда предпочтут негатив позитиву¹⁰⁴. Это, в свою очередь, обеспечивает материал для пессимистичных редакционных колонок – нужно лишь составить список худших вещей, произошедших на планете за неделю, и вот уже у вас есть убедительные доказательства того, что мир еще никогда не на-

¹⁰³ Неверное восприятие риска: Ropeik & Gray 2002; Slovic 1987. Нежелание купаться после просмотра фильма «Челюсти»: Sutherland 1992, p. 11.

¹⁰⁴ Новость с насилием идет первой (и наоборот): Bohle 1986; Combs & Slovic 1979; Galtung & Ruge 1965; Miller & Albert 2015.

ходился в такой ужасной опасности.

Последствия негативных новостей негативны сами по себе. Активные потребители новостного контента вовсе не лучше осведомлены – вместо этого они перестают воспринимать вещи адекватно. Они беспокоятся из-за преступности, когда ее уровень снижается, а иногда и вовсе теряют связь с реальностью. Опрос 2016 года показал: огромное большинство американцев пристально следит за новостями об ИГИЛ и 77 % из них согласны с откровенно безумным утверждением, что «исламские боевики в Сирии и Ираке представляют серьезную угрозу дальнейшему существованию Соединенных Штатов»¹⁰⁵. Настроение потребителей негативных новостей естественным образом становится все более мрачным: недавний обзор литературы на эту тему отмечал у них «неверное восприятие риска, тревожность, низкий уровень настроения, усвоенную беспомощность, презрение или враждебность к окружающим, падение способности соперничать, а в некоторых случаях... полное избегание новостей»¹⁰⁶. Кроме того, они превращаются в фаталистов, говоря, например: «Зачем мне голосовать? Это ничего не изменит» или «Да, я мог бы пожертвовать деньги, но на

¹⁰⁵ ИГИЛ как «угроза существованию США» – опрос, выполненный для *Investor's Business Daily*: TIPP, March 28–April 2, 2016, <http://www.investors.com/politics/ibdtipp-poll-distrust-on-what-obama-does-and-says-on-isis-terror/>.

¹⁰⁶ Воздействие новостей: Jackson 2016. Johnston & Davey 1997; McNaughton-Cassill 2001; Otieno, Spada, & Renkl 2013; Ridout, Grosse, & Appleton 2008; Unz, Schwab, & Winterhoff-Spurk 2008.

следующей неделе голодать будет уже другой ребенок»¹⁰⁷.

Зная, как привычки журналистов и наши собственные когнитивные искажения усиливают отрицательное воздействие друг друга, что же мы можем предпринять, чтобы надежно оценить нынешнее состояние мира? Ответ тут прост: *считать*. Какова доля жертв насилия среди общего числа ныне живущих людей? А больных, голодающих, нуждающихся, угнетенных, неграмотных, несчастных? Уменьшается ли эта доля или растет? Привычка все подсчитывать, как бы занудно это ни звучало, на самом деле свойство просвещенного в нравственном отношении образа мысли, поскольку так мы приписываем равную ценность каждой человеческой жизни, не выделяя наших близких или тех, кто обладает фотогеничной внешностью. Кроме того, она дает нам надежду, что мы сможем установить причины страданий, а значит, и понять, какие меры помогут их уменьшить.

Такова была задача моей книги «Лучшее в нас»¹⁰⁸ (*The Better Angels of Our Nature*), вышедшей в 2011 году, – я собрал там сотни графиков и карт, демонстрирующих, как на протяжении истории снижался уровень насилия и распространенность условий, ему способствующих. Чтобы подчеркнуть, что этапы снижения относились к разным периодам и имели под собой разные причины, я дал им названия.

¹⁰⁷ J. Singal, “What All This Bad News Is Doing to Us,” *New York*, Aug. 8, 2014.

¹⁰⁸ Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – *Прим ред.*

«Процесс умиротворения» в пять раз сократил смертность в племенных набегах и междоусобицах, что стало результатом установления эффективными государствами контроля над своими территориями. «Процесс цивилизации» в сорок раз сократил число убийств и других насильственных преступлений по мере укрепления верховенства права и норм самоконтроля в Европе раннего Нового времени. Гуманистическая революция – это другое название случившейся в эпоху Просвещения отмены рабства, жестоких наказаний и религиозных гонений. Термином «долгий мир» историки обозначают снижение числа межгосударственных войн, особенно войн с участием великих держав, после Второй мировой войны. После окончания холодной войны на планете наступил «Новый мир», когда стало меньше гражданских войн, случаев геноцида и стран с авторитарными режимами. Также с 1950-х годов мир захлестнула череда «революций прав» – гражданских прав, прав женщин, геев, детей и животных.

Практически ни один из этих процессов не вызывает сомнений у знакомых с цифрами экспертов. Историки криминологии, например, согласны с тем, что с окончанием Средних веков уровень преступности резко снизился, а специалисты по международным отношениям единодушно свидетельствуют, что крупные войны сошли на нет после 1945 года. Но среди широкой публики многие из этих фактов вызывают изумление¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Спад насилия: Eisner 2003; Goldstein 2011; Gurr 1981; Human Security Centre

Я полагал, что череда графиков со временем по горизонтальной оси, числом жертв или другим показателем уровня насилия по вертикальной и линией, вихляющей из левого верхнего угла в правый нижний, избавит читателей от последствий эвристики доступности и убедит их, что хотя бы в этой сфере мир достиг прогресса. Но из тех вопросов и возражений, которые я получил после выхода книги, я сделал вывод, что отрицание прогресса вызвано причинами более глубокими, нежели незнание статистики. Разумеется, любой набор данных – это не идеальное отражение действительности, и поэтому вполне разумно интересоваться, насколько точны и репрезентативны приведенные цифры. Но эти возражения выявили не просто недоверие к данным, но в целом неготовность даже к *возможности* того, что судьба человечества может измениться к лучшему. У многих людей отсутствует понятийный аппарат, позволяющий уяснить для себя, имел ли место прогресс или нет; им чужда сама идея того, что положение вещей может меняться в лучшую сторону. Вот несколько утрированных вариантов диалогов, которые часто происходили между мной и теми, кто задавал мне вопросы.

Получается, уровень насилия линейно снижался на протяжении всей истории? Вот это да!

Нет, не «линейно» – было бы воистину поразительно, если бы при всем непостоянстве человеческого поведения ка-

кой-то его показатель опускался бы на одно и то же значение десятилетие за десятилетием и век за веком. Это снижение нельзя назвать и монотонным (что, вероятно, имел в виду мой собеседник) – это значило бы, что уровень насилия всегда снижался или оставался постоянным, но никогда не повышался. Реальные же исторические кривые могли вихлять, медленно ползти вверх, неожиданно подскакивать, а иногда пугающе взмывать ввысь. В качестве примеров можно привести две мировые войны, расцвет преступности в западных странах с середины 1960-х до начала 1990-х годов и пик гражданских войн в освободившихся от колониальной зависимости развивающихся странах в 1960-х и 1970-х годах. Прогресс выражается в общей тенденции изменения уровня насилия, на которую накладываются эти колебания, а именно в постепенном или резком снижении, в возвращении к прежним низким значениям после временного подъема. Прогресс не может быть неизменно монотонным, поскольку решения проблем создают новые проблемы¹¹⁰. Но прогресс продолжается, когда для новых проблем в свою очередь находят решения.

К слову, немонотонность изменения показателей социальной статистики обеспечивает СМИ легкий способ привлекать внимание именно к негативной информации. Если игнорировать все те годы, когда некий индикатор снижается,

¹¹⁰ Решения создают новые проблемы: Deutsch 2011, pp. 64, 76, 350; Berlin 1988/2013, p. 15.

но говорить о любом скачке вверх (ведь это же и есть «новость»), у читателей сложится впечатление, будто жизнь становится все хуже и хуже, хотя на самом деле она улучшается. За первые шесть месяцев 2016 года газета *The New York Times* провернула такой трюк трижды – с уровнем самоубийств, ожидаемой продолжительностью жизни и смертностью в автокатастрофах.

Если показатели насилия не всегда снижаются, то они, выходит, цикличны – даже если сейчас они низкие, однажды они все равно поползут вверх.

Нет. Изменения с течением времени могут быть *статистическими* и испытывать непредсказуемые колебания, но при этом не быть *циклическими*, то есть не колебаться между двумя крайностями, словно маятник. Таким образом, хотя откаты всегда возможны, это не значит, что они становятся более вероятными с течением времени. (Многие инвесторы остались без гроша, делая ставку на неудачно названные «экономические циклы», которые на самом деле являются непредсказуемыми скачками.) Прогресс происходит, когда откаты в положительной тенденции становятся менее частыми, а в некоторых случаях и вовсе прекращаются.

Как можно говорить, что насилия становится меньше? Разве в утренних новостях не сообщали про стрельбу в школе (или про террористический акт, артиллерийский обстрел, бесчинства футбольных фанатов или поножовщину в баре)?

Снижение не означает исчезновения. (Утверждение « $x > y$ » отличается от утверждения « $y = 0$ ».) Что-то может сильно уменьшиться, не исчезнув при этом совсем. Это значит, что уровень насилия в конкретный день *не имеет никакого отношения* к вопросу, снизился ли уровень насилия на протяжении истории. Единственный способ на него ответить – это сравнить уровни насилия сейчас и в прошлом. А если вы посмотрите на уровень насилия в прошлом, вы увидите, что он был гораздо выше, хотя воспоминания об этом и не так свежи, как об утренних новостях.

Вся эта красивая статистика снижения уровня насилия ничего не будет значить, если ты сам окажешься жертвой.

Верно, но она значит, что у тебя меньше шансов *оказаться* жертвой. По этой причине она имеет огромное значение для миллионов людей, которые не стали жертвами, но могли бы ими стать, если бы уровень насилия оставался прежним.

То есть вы хотите сказать, что мы можем просто расслабиться и ничего не делать, что проблемы насилия решатся сами собой?

Где ваша логика? Если вы видите, что гора грязного белья уменьшилась, это не значит, что белье само себя постирало, – это значит, что его кто-то постирал. Если показатель насилия снизился, значит, некое изменение в социальной, культурной или материальной сфере стало тому причиной. Если эти условия сохранятся, уровень насилия может остаться низким или продолжить уменьшаться, если нет –

то наоборот. Именно поэтому нам так важно найти эти причины, чтобы мы могли усилить их действие и расширить их область влияния, обеспечив таким образом дальнейшее снижение уровня насилия.

Если вы говорите, что уровень насилия снижается, вы наивный человек, сентиментальный идеалист, романтик, мечтатель, либерал, утопист, Поллианна, Панглос.

Нет, если посмотреть на данные, свидетельствующие о снижении уровня насилия, и сказать: «Насилия становится меньше» – это констатация факта. Если посмотреть на данные, свидетельствующие о снижении уровня насилия, и сказать: «Насилия становится больше» – это заблуждение. Если игнорировать данные об уровне насилия и твердить: «Насилия становится больше» – это просто проявление невежества.

Что до обвинений в романтизме, тут я могу ответить с уверенностью. Кроме прочего, я являюсь автором решительно неромантической, антиутопической книги «Чистый лист»¹¹¹ (The Blank Slate), в которой показано, что эволюция наделила человека рядом разрушительных устремлений, в том числе жадностью, похотью, жадной властью, мстительностью и способностью к самообману. Но я верю, что люди наделены также способностью сопереживать, анализировать свое положение, вынашивать и распространять новые идеи, – Авра-

¹¹¹ Пинкер С. Чистый лист: природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 608 с. – Прим. ред.

ам Линкольн называл эти свойства «добрыми ангелами человеческой природы». Только сопоставляя факты, мы можем понять, в какой мере наши ангелы справляются с нашими демонами в тот или иной момент и в том или ином месте.

Как вы можете прогнозировать, что уровень насилия продолжит снижаться? Если завтра начнется война, ваша теория окажется несостоятельной.

Утверждение, что некий показатель насилия снизился, не «теория», а результат наблюдения за фактами. И да, тот факт, что показатель изменился за некий период, сам по себе не служит достаточным основанием для прогноза, что он всегда будет меняться таким же образом. Как обязаны писать в своей рекламе паевые фонды, «эффективность работы в прошлом не служит гарантией результатов в будущем».

Тогда какой толк от всех этих графиков и выкладок? Разве научная теория не должна делать проверяемые прогнозы?

Научная теория предсказывает результаты экспериментов, где контролируются все факторы, способные повлиять на исход. Никакая теория не может делать прогнозы для мира в целом, где семь миллиардов людей распространяют вирусные идеи в глобальных сетях и взаимодействуют с хаотичными погодными и ресурсными циклами. Если мы возьмемся делать утверждения о том, что ждет в будущем неконтролируемый мир, не объясняя, почему события должны развиваться именно таким образом, это будет не прогноз, а про-

рочество. Дэвид Дойч писал об этом так:

Самое важное из всех ограничений на создание знаний – это то, что мы не пророки: мы не можем предсказывать содержание и последствия идей, которые еще только предстоит создать. Это ограничение не только согласуется с безграничным ростом знаний, но и следует из него¹¹²¹¹³.

Наша неспособность к пророчествам, конечно, не дает нам права игнорировать факты. Улучшение какого-либо показателя человеческого благополучия означает в общем и целом, что факторов, меняющих ситуацию в верном направлении, тут больше, чем в неверном. Рассчитывать ли нам на продолжение прогресса, зависит от того, знаем ли мы, какие это были факторы и как долго сохранится их действие. Ответы для разных показателей могут сильно отличаться друг от друга. Иногда тенденция может напоминать закон Мура (количество транзисторов на кристалле интегральной схемы удваивается за два года), и тогда мы можем с большой вероятностью (но не с абсолютной уверенностью) предполагать, что плоды человеческой изобретательности будут в этом случае накапливаться, а прогресс – идти все дальше. Иногда дело обстоит как с фондовым рынком: краткосрочные колебания сочетаются с долгосрочным ростом. Некоторые тенденции имеют статистическое распределение с «толстым хво-

¹¹² Deutsch 2011, p. 193.

¹¹³ Пер. М. И. Талачевой.

стом», при котором невозможно исключить экстремальные, пусть и маловероятные, события¹¹⁴. Некоторые же тенденции имеют циклический или хаотический характер. В главах 19 и 21 мы рассмотрим рациональный подход к прогнозированию в непредсказуемом мире. Пока же нам стоит запомнить: позитивная тенденция предполагает (хотя и не доказывает), что мы что-то делаем правильно; нам нужно понять, что именно, и делать это еще активнее.

Когда все эти возражения исчерпаны, я часто вижу, как люди изо всех сил пытаются выдумать *хотя бы какой-нибудь* повод усомниться, что все на самом деле так хорошо, как свидетельствуют данные. В отчаянии они обращаются к семантике.

Разве троллинг в интернете – не форма насилия? Разве добыча ископаемых открытым способом – не форма насилия? Разве неравенство – не форма насилия? Разве загрязнение окружающей среды – не форма насилия? Разве нищета – не форма насилия? Разве консюмеризм – не форма насилия? Разве разводы – не форма насилия? Разве реклама – не форма насилия? Разве ведение статистики об уровне насилия – не форма насилия?

Каким бы прекрасным риторическим приемом ни была метафора, едва ли она поможет нам оценить истинное состояние человечества. Рассуждения о морали требуют соблюде-

¹¹⁴ Распределения с толстым хвостом: см. главу 19. Подробнее: Pinker 2011, pp. 210–22.

ния меры. Конечно, неприятно, когда кто-то пишет гадости в Твиттере, но это не идет ни в какое сравнение с работоторговлей или Холокостом. Кроме того, нужно отделять риторику от реальности. Идти в центр поддержки жертв сексуального насилия и требовать отчета в том, что этот центр сделал для прекращения насилия над природой, ничем не поможет ни жертвам сексуального насилия, ни природе. Наконец, чтобы делать мир лучше, нам требуется понимание причин и следствий. Хотя простейшие интуитивные представления о морали часто побуждают нас сваливать все плохое в одну кучу и искать злодея, которого можно в нем обвинить, не существует целостного феномена «плохого», который мы могли бы попытаться понять и устранить. (Энтропия и эволюция плодят «плохие вещи» в избытке.) Война, преступность, загрязнение окружающей среды, нищета, болезни и невежливость – это беды, у которых может быть очень мало общего, и, если мы хотим их устранить, мы не можем играть словами, лишая себя возможности обсуждать их по отдельности.

~

Я прошелся по этим возражениям, чтобы подготовить почву для своего рассказа о других показателях человеческого прогресса. Недоверчивая реакция на книгу «Лучшее в нас» убедила меня, что не только эвристика доступности лишает людей веры в прогресс. Более того, пристрастие средств

массовой информации к плохим новостям нельзя объяснить одной лишь циничной погоней за просмотрами и кликами. Нет, психологические корни прогрессофобии уходят глубже.

На самом глубоком уровне лежит предубеждение, которое можно обобщить девизом: «Зло сильнее добра»¹¹⁵. Эту идею легко выявить при помощи серии мысленных экспериментов, предложенных Амосом Тверски¹¹⁶. Если вы представите, что чувствуете себя максимально хорошо, насколько это состояние будет отличаться от вашего состояния сейчас? А какой будет эта разница, если вы представите, что чувствуете себя максимально *плохо*? Отвечая на первый вопрос, мы обычно способны вообразить разве что чуть больше легкости в походке и чуть больше блеска в глазах, но ответ на второй очевиден: эта разница может быть бесконечно огромной. Такая асимметрия в нашем отношении объясняется асимметрией нашей жизни (которая следует из закона энтропии). Сколько вещей может с вами случиться, чтобы ваша жизнь стала сегодня намного лучше? А сколько вещей – чтобы она стала намного *хуже*? И вновь, отвечая на первый вопрос, мы представляем себе, скажем, неожиданную удачу или свалившееся на голову состояние; ответ на второй вопрос: таких вещей бесчисленное множество. Но нам не нужно полагаться лишь на свое воображение. Исследования психологов

¹¹⁵ Приоритет негативного: Baumeister, Bratslavsky, et al. 2001; Rozin & Royzman 2001.

¹¹⁶ Личное общение, 1982 год.

подтверждают, что люди боятся потерь больше, чем ждут положительных изменений, что они переживают неудачи острее, чем наслаждаются успехом, и что критика ранит их куда сильнее, чем греет похвала. (Как психолингвист, я не могу не добавить, что в английском языке гораздо больше слов для негативных эмоций, чем для позитивных¹¹⁷.)

Этому приоритету негативного не подвержена лишь наша автобиографическая память. Пускай мы помним и плохие, и хорошие события, отрицательная окраска несчастий со временем бледнеет, особенно тех, что случились с нами самими¹¹⁸. Устройство нашего сознания делает нас склонными к ностальгии: в человеческой памяти время лечит почти все раны. Еще две иллюзии заставляют нас считать, что теперь все не то, что раньше: груз взрослой жизни и родительских обязанностей мы принимаем за свидетельство того, что мир уже не так чист и невинен, а снижение наших физических и умственных способностей – за признаки общего упадка¹¹⁹. Как писал журналист Франклин Пирс Адамс, «старые добрые времена в первую очередь объясняются плохой памятью».

Интеллектуальная культура должна стремиться противостоять нашим когнитивным искажениям, но, увы, очень ча-

¹¹⁷ Преобладание негативно окрашенных слов: Baumeister, Bratslavsky, et al. 2001; Schrauf & Sanchez 2004.

¹¹⁸ Розовые очки памяти: Baumeister, Bratslavsky, et al. 2001.

¹¹⁹ Иллюзия «старых добрых времен»: Eibach & Libby 2009.

сто она их только закрепляет. От эвристики доступности нас могло бы исцелить количественное мышление, но литературовед Стивен Коннор метко заметил, что «искусство и гуманитарные науки безоговорочно сходятся в своем ужасе перед той областью жизни, где правят числа» и что эта «математическая безграмотность является скорее идеологической, нежели случайной»¹²⁰. В итоге писатели, к примеру, видят войны в прошлом, видят войны сейчас и приходят к выводу, будто «ничего не изменилось», не осознавая тем самым разницы между эпохой, когда единичные войны суммарно уносят тысячи жизней, и эпохой, когда десятки войн суммарно уносили миллионы жизней. Из-за своей математической безграмотности они не могут оценить по достоинству те системные процессы, благодаря которым на протяжении долгого времени шаг за шагом накапливаются улучшения.

Интеллектуальная культура не приспособлена и для борьбы с приоритетом негативного. Наше неослабевающее внимание к плохому порождает устойчивый спрос на услуги профессиональных ворчунов, которые стараются не дать нам пропустить ни одного неприятного факта. Эксперименты показывают, что литературных критиков, которые ругают ту или иную книгу, воспринимают как более компетентных, чем тех, которые ее хвалят, и то же, вероятно, можно сказать и о критиках общественного уклада¹²¹. «Всегда предре-

¹²⁰ Connor 2014; см. также Connor 2016.

¹²¹ Язвительные литературные критики кажутся умнее: Amabile 1983.

кай худшее, и тебя провозгласят великим пророком», – советовал музыкант и сатирик Том Лерер. Как минимум со времен ветхозаветных пророков, которые сочетали социальную критику с обещаниями грядущей катастрофы, пессимизм всегда приравнивался к серьезности нравственных воззрений. Журналисты убеждены, что, делая акцент на негативе, они выполняют свои обязанности независимых наблюдателей, обличителей, борцов за правду и источников морального беспокойства. А интеллектуалы знают, что они могут мгновенно завоевать авторитет, указав на нерешенную проблему и предположив, что она служит симптомом болезни общества.

Верно и обратное: автор популярных текстов о финансах Морган Хаузел подметил, что пессимисты производят впечатление, будто они пытаются вам помочь, а оптимисты – будто они пытаются вам что-то продать¹²². Стоит кому-то предложить решение проблемы, критики сразу же заявят, что это не панацея, не серебряная пуля, не волшебная палочка и не универсальный выход для всех – это просто заплатка, временное техническое решение, которое не влияет на коренную причину и непременно повлечет за собой побочные эффекты и непредвиденные последствия. А поскольку ничто не панацея и у всего есть побочные эффекты (невозможно повлиять только на что-то одно), все эти изъезженные риторические приемы, по сути, не более чем неготовность

¹²² M. Housel, “Why Does Pessimism Sound So Smart?” *Motley Fool*, Jan. 21, 2016.

принять даже возможность того, что положение вещей может улучшиться¹²³.

Типичный для интеллигенции пессимизм может быть и способом показать свое превосходство. Современное общество представляет собой конгломерат политических, промышленных, финансовых, технологических, военных и интеллектуальных элит, соревнующихся за престиж и влияние, а также имеющих разные роли в руководстве всем обществом. Критика сложившейся ситуации косвенным образом позволяет им обойти своих конкурентов: ученым почувствовать себя выше бизнесменов, бизнесменам – выше политиков, и так далее. Как писал в 1651 году Томас Гоббс, «соперничество в славе располагает к поклонению древним... ибо люди соперничают с живыми, а не с умершими»¹²⁴.

Пессимизм, несомненно, имеет и светлую сторону. Расширение круга сопереживания приводит к тому, что мы начинаем беспокоиться о вреде, который остался бы не замеченным в более бесчеловечные времена. Сегодня мы понимаем, что гражданская война в Сирии – это гуманитарная трагедия. Конфликты прошлых десятилетий вроде гражданской войны в Китае, раздела Индии или Корейской войны редко вспоминаются в этом ключе, хотя они стоили жизни и крова большому числу людей. Когда я был ребенком, изде-

¹²³ Похожие замечания делали экономист Альберт Хиршман (1991) и журналист Грег Истербрук (2003).

¹²⁴ Пер. А. Гутермана.

вательства в школе считались естественной частью взросления настоящего мужчины. С большим трудом можно было бы представить, что президент Соединенных Штатов произнесет однажды речь об их пагубном влиянии, как это сделал в 2011 году Барак Обама. По мере того как мы начинаем переживать за все большую долю человечества, мы все чаще ошибочно принимаем негативные явления вокруг нас за знак того, как низко мы пали, а не того, насколько поднялись наши стандарты.

Однако исключительно негативное видение само может повлечь за собой непредвиденные последствия, и журналисты замечают их все чаще. После выборов президента США в 2016 году авторы *The New York Times* Дэвид Борнштейн и Тина Розенберг размышляли о роли средств массовой информации в шокирующих итогах голосования:

Трампа оказался тем, кто выиграл от убеждения – практически повсеместного в американской журналистике, – что «серьезные новости» сводятся к формуле «что у нас не так»... Десятилетиями упорная сосредоточенность журналистов на проблемах и как будто бы неизлечимых болячках готовила почву для того, чтобы посеянные Трампом зерна недовольства и уныния пустили корни... Среди прочего это привело к тому, что многие американцы больше не могут себе представить поступательные изменения системы, не ценят их и даже не верят в них, что ведет к росту привлекательности

революционных, радикальных решений¹²⁵.

Борнштейн и Розенберг не возлагают ответственность на тех, кого принято винить в подобном случаях (кабельное телевидение, социальные сети, комиков из вечерних шоу), но вместо этого обнаруживают истоки явления во временах Вьетнамской войны и Уотергейтского скандала, когда произошел переход от восхваления лидеров к ограничению их власти, а дальше – уже ненароком – к повальному скептицизму, в рамках которого любой аспект общественной жизни Америки воспринимается как идеальная мишень для агрессивной критики.

Если корни прогрессофобии таятся в человеческой природе, не является ли само предположение, что она растет, примером искажения, вызванного эвристикой доступности? Предвосхищая методы, которыми я буду пользоваться в этой книге, давайте взглянем на объективные показатели. Специалист по обработке данных Калев Леестару применил методику, называемую анализом настроений, к каждой статье, напечатанной в газете *The New York Times* с 1945 по 2005 год, а также к архиву переводных статей и передач из 130 стран за 1979–2010 годы. Анализ настроений оценивает эмоциональный настрой текста при помощи подсчета слов и фраз с положительной и отрицательной окраской, например «хо-

¹²⁵ D. Bornstein & T. Rosenberg, “When Reportage Turns to Cynicism,” *New York Times*, Nov. 14, 2016. Больше о «конструктивной журналистике»: Gyldensted 2015, Jackson 2016, журнал *Positive News* (www.positive.news).

роший», «приятный», «ужасный» и «чудовищный». Результаты показаны на рис. 4–1. Если не обращать внимания на скачки и колебания, которые отражают сиюминутные кризисы, мы увидим, что новости и вправду со временем стали более негативными. *The New York Times* стабильно погружалась во мрак с начала 1960-х до начала 1970-х, затем немного (но только немного) воспряла духом в 1980-е и 1990-е, а потом провалилась еще глубже в негативные настроения в первом десятилетии нового века. Новостные издания в остальном мире также постепенно теряли оптимизм с конца 1970-х и до наших дней.

Но действительно ли мир все эти десятилетия катился под откос? Не забывайте про рис. 4–1, пока мы будем изучать состояние человечества в следующих главах.

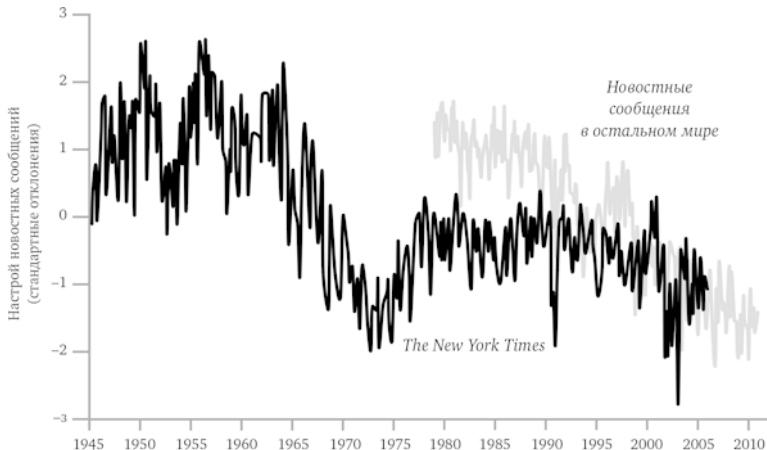

РИС. 4–1. Эмоциональный настрой новостей, 1945–2010
 Источник: Leetaru 2011

~

Что такое прогресс? Вам может показаться, что этот вопрос настолько субъективен и специфичен для каждой культуры, что ответ на него дать невозможно. На самом деле это как раз один из относительно легких вопросов.

Большинство людей сходятся во мнении, что жизнь лучше смерти. Здоровье лучше болезни. Полный желудок лучше голода. Изобилие лучше нищеты. Мир лучше войны. Безопасность лучше жизни под угрозой. Свобода лучше тирании.

Равные права лучше нетерпимости и дискриминации. Грамотность лучше безграмотности. Знание лучше невежества. Интеллектуальное развитие лучше ограниченности. Счастье лучше несчастья. Возможность получать удовольствие от общения со своей семьей и друзьями, от культуры и природы лучше тяжелого и монотонного труда.

Все эти вещи можно измерить. И если со временем их стало больше, значит, произошел прогресс.

Очевидно, не все согласны с приведенным выше списком. Это откровенно гуманистические ценности, и тут не учтены религиозные, романтические и аристократические моральные критерии вроде спасения души, благодати, святости, героизма, чести, славы и аутентичности. Но почти все согласятся, что это то, с чего необходимо начать. Легко превозносить вечные ценности в отрыве от реальности, но большинство людей поставит на первое место жизнь, здоровье, безопасность, грамотность, сытость и удовольствие по той очевидной причине, что наличие этих благ необходимо для всего остального. Если вы читаете эти слова, вы не мертвы, не голодаете, не нищенствуете, не живете в вечном страхе, не находитесь в рабстве и не безграмотны, а это значит, что вы не имеете права смотреть на эти ценности свысока или утверждать, что другие люди не заслуживают того же самого.

В действительности мир вполне единодушен в этом вопросе. В 2000 году все 189 членов ООН и еще пара дюжин международных организаций согласовали восемь Целей раз-

вития тысячелетия на 2015 год, которые полностью соответствуют приведенному мной перечню¹²⁶.

И вот вам первая сенсация: *мир достиг выдающегося прогресса в каждом отдельном показателе человеческого благополучия*. А вот вторая: *почти никто об этом не знает*.

Информация о человеческом прогрессе, хотя ее не встретишь в основных СМИ и на главных интеллектуальных форумах планеты, достаточно доступна. Эти данные не похоронены в сухих докладах, но представлены на великолепных веб-сайтах, в частности на *Our World in Data* Макса Роузера, *Human Progress* Мариана Тупи и *Gapminder* Ханса Рослинга. (Как показало выступление Рослинга на конференции TED в 2007 году, чтобы привлечь к этим цифрам внимание мира, недостаточно даже проглотить шпагу.) О прогрессе написано – в том числе нобелевскими лауреатами – множество замечательных книг, и свое послание они гордо несут уже в названиях: «Прогресс» (Progress), «Парадокс прогресса» (The Progress Paradox), «Бесконечный прогресс» (Infinite Progress), «Неисчерпаемый ресурс» (The Infinite Resource), «Рациональный оптимист» (The Rational Optimist), «В защиту рационального оптимизма» (The Case

¹²⁶ Цели развития тысячелетия ООН: 1. Ликвидировать абсолютную бедность и голод. 2. Обеспечить всеобщее начальное образование. 3. Содействовать равноправию полов и расширению прав женщин. 4. Сократить детскую смертность. 5. Улучшить охрану материнского здоровья. 6. Борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и прочими заболеваниями. 7. Обеспечить экологическую устойчивость. 8. Сформировать всемирное партнерство в целях [экономического] развития.

for Rational Optimism), «Утопия для реалистов» (Utopia for Realists), «Массовое процветание» (Mass Flourishing), «Изобилие» (Abundance), «Улучшающееся состояние мира» (The Improving State of the World), «Все к лучшему» (Getting Better), «Конец конца света» (The End of Doom), «Моральная дуга» (The Moral Arc), «Движение по нарастающей» (The Big Ratchet), «Великий побег» (The Great Escape), «Великий рывок» (The Great Surge) и «Великая конвергенция» (The Great Convergence)¹²⁷. (Ни одна из них не удостоилась крупной литературной премии, но в эти же годы Пулитцеровскую премию за нехудожественное произведение дали четырем книгам о геноциде, трем о терроризме, двум о раке, двум о расизме и одной о массовом вымирании видов.) Для тех, кому нравятся факты, собранные в нумерованные списки, за последние годы вышли, скажем, такие публикации: «5 отличных новостей, о которых никто не говорит», «5 причин, почему 2013-й был лучшим годом в истории человечества», «7 причин, почему мир кажется хуже, чем он есть на самом деле», «26 графиков и карт, которые доказывают, что мир становится гораздо, гораздо лучше», «40 показателей того, что мир становится лучше» и моя любимая – «50 причин, почему мы живем в лучший период мировой истории». Давайте взглянем на некоторые из этих причин.

¹²⁷ Книги о прогрессе (в порядке упоминания): Norberg 2016, Easterbrook 2003, Reese 2013, Naam 2013, Ridley 2010, Robinson 2009, Bregman 2016, Phelps 2013, Diamandis & Kotler 2012, Goklany 2007, Kenny 2011, Bailey 2015, Shermer 2015, DeFries 2014, Deaton 2013, Radelet 2015, Mahubani 2013.

Глава 5

Жизнь

Борьба за выживание – первичное стремление всех живых существ, и люди применяют всю свою изобретательность и упорство, чтобы отложить смерть на как можно более поздний срок. «Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое», – велел ветхозаветный Бог. «Бунтуй, бунтуй, когда слабеет свет», – заклинал Дилан Томас. Долгая жизнь – это высшее благо.

Как вы думаете, какова сегодня ожидаемая продолжительность жизни среднестатистического жителя планеты? Учтите, что средний показатель по миру снижают преждевременные смерти от голода и болезней в густонаселенных развивающихся странах, в частности смерти младенцев, которые добавляют в эту статистику много нулей.

В 2015 году ответ был таким: 71,4 года¹²⁸. Точным ли было ваше предположение? Недавнее исследование Ханса Рослинга показало, что менее чем один швед из четырех называл такое большое число, и этот показатель не слишком отличается от результатов других опросов, в ходе которых жителей разных стран спрашивали об их предположениях относительно продолжительности жизни, а также уровней гра-

¹²⁸ World Health Organization 2016a.

мотности и нищеты. Все эти опросы Рослинг проводил в рамках своего проекта Ignorance («Невежество»), на логотипе которого изображена шимпанзе, что сам он объяснял так: «Если бы для каждого вопроса я писал варианты ответов на бананах и просил шимпанзе в зоопарке выбрать из них правильный, они бы справились лучше, чем мои респонденты». Эти респонденты, среди которых были студенты и профессора факультетов глобального здравоохранения, проявляли не столько невежество, сколько порочный пессимизм¹²⁹.

Приведенный на рис. 5–1 график, составленный Максом Роузером, показывает изменение ожидаемой продолжительности жизни на протяжении веков и выявляет общую тенденцию в мировой истории. В самой левой части рисунка, то есть в середине XVIII века, ожидаемая продолжительность жизни в Европе и обеих Америках составляла около 35 лет, и этот показатель почти не менялся все те предшествующие 225 лет, для которых у нас имеются данные¹³⁰. В целом по миру ожидаемая продолжительность жизни была тогда 29 лет. Похожие значения характерны для практически всей истории человечества. Охотники-собиратели жили в среднем по 32,5 года, а среди народов, первыми занявшихся сельским хозяйством, этот срок, вероятно, уменьшился из-за богатой крахмалом диеты и болезней, которые люди

¹²⁹ Hans and Ola Rosling, “The Ignorance Project,” <https://www.gapminder.org/ignorance/>.

¹³⁰ Roser 2016n; оценки для Англии 1543 года: R. Zijdeman, OECD Clio Infra.

подхватывали от своего скота и друг от друга. В бронзовом веке ожидаемая продолжительность жизни вернулась к тридцати с небольшим и оставалась такой на протяжении тысячелетий с небольшими колебаниями в отдельные столетия и в отдельных регионах¹³¹. Этот период человеческой истории, который можно назвать Мальтузианской эрой, – время, когда эффект от любого прогресса в сельском хозяйстве и медицине быстро сводился на нет последующим резким ростом населения, хотя слово «эра» едва ли уместно для 99,9 % срока существования нашего вида.

¹³¹ Охотники и собиратели: Marlowe 2010, p. 160. Приведены оценки для хадза, у которых уровни младенческой и детской смертности (по большей части объясняющие разброс среди большинства популяций) идентичны среднему в выборке Марлоу из 478 племен собирателей (p. 261). От первых земледельцев до железного века: Galor & Moav 2007. Никаких улучшений за тысячи лет: Deaton 2013, p. 80.

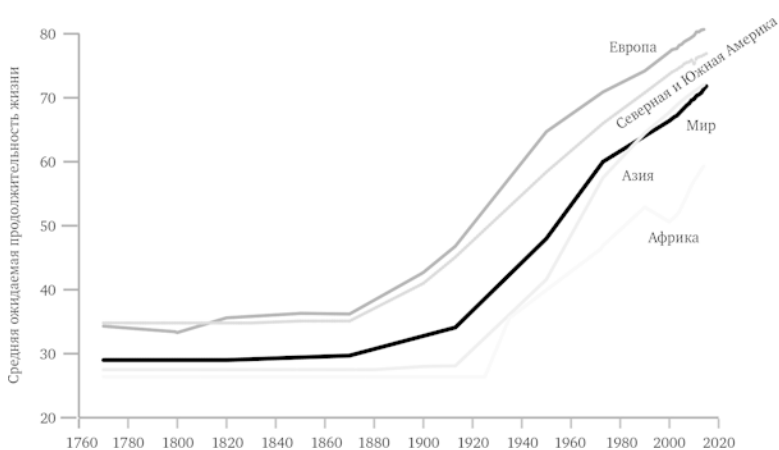

РИС. 5–1. Ожидаемая продолжительность жизни, 1771–2015

Источники: Our World in Data, Roser 2016г, на основании данных Riley 2005 (до 2000 года) и Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка (последующие годы). Обновлено с учетом данных, предоставленных Максом Роузером

Но с XIX века мир начал свой Великий побег – этот термин ввел Ангус Дитон, описывая избавление человечества от наследия нищеты, болезней и ранней смерти. Ожидаемая продолжительность жизни начала расти, а в XX веке скорость этого роста увеличилась и до сих пор не подает никаких признаков снижения. Специалист по истории экономики Йохан Норберг отмечает, что нам кажется, будто «с каж-

дым годом жизни мы приближаемся к смерти на год, но на протяжении XX века среднестатистический человек за год приближался к смерти лишь на семь месяцев». Особенно от-
раднo, что дар долгой жизни становится доступным всем лю-
дям, в том числе и жителям беднейших регионов мира, где
это происходит с гораздо большей скоростью, чем когда-то
в богатых странах. Норберг пишет:

Ожидаемая продолжительность жизни в Кении
возросла почти на десять лет с 2003 до 2013 года. Живя,
любя и борясь на протяжении целого десятилетия,
среднестатистический кениец в итоге не потерял ни
единого года жизни. Все стали на десять лет старше, но
смерть при этом не приблизилась ни на шаг¹³².

В результате неравенство в ожидаемой продолжительности жизни, которое возникло во время Великого побега, когда несколько наиболее благополучных держав вырвались вперед, стирается по мере того, как их догоняют остальные страны. В 1800 году ни в одной стране мира ожидаемая продолжительность жизни не превышала 40 лет. В Европе и обеих Америках к 1950 году она выросла до 60 лет, оставив Африку и Азию далеко позади. Но с тех пор в Азии этот показатель начал расти со скоростью в два раза большей, чем в Европе, а в Африке – в полтора раза большей. Родившийся сегодня африканец будет в среднем жить столько же, сколько человек, родившийся в Северной или Южной Америке в

¹³² Norberg 2016, pp. 46 and 40.

1950-х или в Европе в 1930-х. Этот показатель был бы больше, если бы не катастрофическая эпидемия СПИДа, вызвавшая чудовищный спад продолжительности жизни в 1990-е годы, – до тех пор, пока болезнь не научились контролировать при помощи антиретровирусных препаратов.

Этот вызванный африканской эпидемией СПИДа спад служит напоминанием, что прогресс – не эскалатор, который непрерывно поднимает качество жизни всех людей во всем мире. Это было бы волшебством, а прогресс является результатом решения проблем, а не применения магии. Проблемы неизбежны, и в разные периоды отдельные части человечества сталкивались с кошмарными откатами назад. Так, помимо эпидемии СПИДа в Африке, ожидаемая продолжительность жизни сокращалась среди молодежи всего мира во время эпидемии испанского гриппа 1918–1919 годов и среди белых американцев нелатиноамериканского происхождения и среднего возраста без высшего образования в начале XXI века¹³³. Но у проблем есть решения, и тот факт, что во всех остальных демографических категориях западных обществ продолжительность жизни продолжает увеличиваться, показывает, что устранимы и проблемы, стоящие перед непривилегированными белыми американцами.

Ожидаемая продолжительность жизни больше всего увеличивается за счет сокращения смертности среди новорож-

¹³³ Пандемия гриппа: Roser 2016n. Смертность среди белого населения Америки: Case & Deaton 2015.

денных и детей – во-первых, из-за хрупкости детского здоровья, а во-вторых, потому, что смерть ребенка снижает средний показатель сильнее, чем смерть 60-летнего. Рис. 5–2 показывает, что происходило с детской смертностью начиная с эпохи Просвещения в пяти странах, которые можно считать более или менее типичными для своих континентов.

Взгляните на числа на вертикальной оси: это процент детей, не доживших до возраста 5 лет. Да, в середине XIX века в Швеции, одной из богатейших стран мира, *от четверти до трети* всех детей умирали до своего пятого дня рождения, а в некоторые годы эта доля приближалась к половине. В истории человечества такие цифры, судя по всему, являются чем-то заурядным: пятая часть детей охотников-собираателей умирала в первый год жизни, а примерно половина – до достижения половой зрелости¹³⁴. Скачки кривой до начала XX века отражают не только случайные колебания данных, но и непредсказуемость тогдашней жизни: внезапный визит старухи с косой мог быть вызван эпидемией, войной или голодом. Трагедии не обходили стороной и вполне зажиточные семьи: Чарльз Дарвин потерял двух детей в младенчестве, а свою любимую дочь Энни в возрасте 10 лет.

¹³⁴ Marlowe 2010, p. 261.

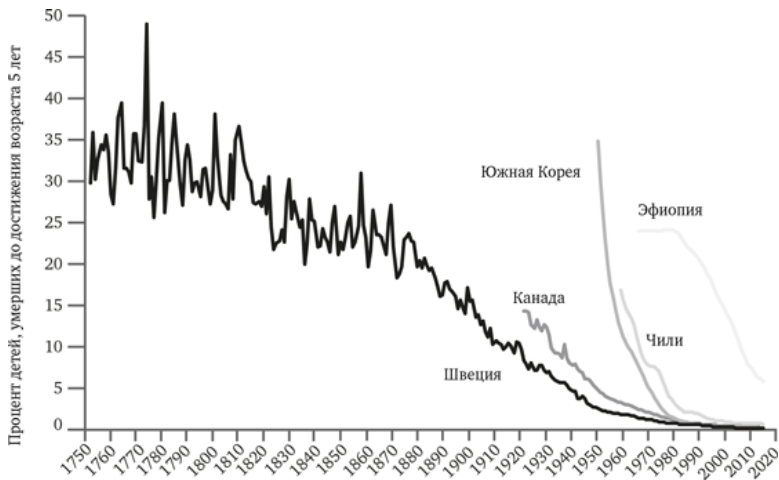

РИС. 5–2. *Детская смертность, 1751–2013*

Источники: Our World in Data, Roser 2016a, на основании данных ООН о детской смертности, <http://www.childmortality.org/> и Базы данных по человеческой смертности, <http://www.mortality.org/>.

А затем случилась удивительная вещь. Уровень детской смертности упал в сотню раз, до долей процента в развитых странах, откуда эта тенденция распространилась на весь мир. Дитон писал в 2013 году: «Сегодня в мире нет ни одной страны, где уровень младенческой и детской смертности не был бы ниже, чем в 1950 году»¹³⁵. В Африке к югу от Сахары уровень детской смертности упал от одного из четы-

¹³⁵ Deaton 2013, p. 56.

рех в 1960-х до менее чем одного из десяти в 2015 году, а общемировой показатель снизился с 18 % до 4 % – это все еще слишком много, но эта цифра непременно станет меньше, если сохранится текущий тренд на улучшение качества здравоохранения во всем мире.

За этими числами стоят два важнейших факта. Первый – демографический: чем меньше детей умирает, тем меньше детей заводят семейные пары, которым больше не нужно перестраховываться на случай потери всего своего потомства. Поэтому беспокойство, что сокращение детской смертности приведет к «демографическому взрыву» (главная причина экологической паники в 1960-х и 1970-х годах, когда звучали призывы ограничивать медицинскую помощь в развивающихся странах), как показало время, не имеет под собой оснований – дело обстоит как раз противоположным образом¹³⁶.

Второй факт – личный. Потеря ребенка – одно из тяжелейших переживаний, какое может выпасть на долю человека. Вообразите себе одну такую трагедию; а теперь попробуйте представить ее еще миллион раз. Это будет четверть тех детей, которые не умерли *за один прошлый год*, но умерли бы, если бы родились на пятнадцать лет раньше. А теперь повторите это упражнение еще около двухсот раз – по числу лет, когда детская смертность идет на спад. Графики вроде

¹³⁶ Уменьшение объема медицинской помощи: N. Kristof, “Birth Control for Others,” *New York Times*, March 23, 2008.

приведенных на рис. 5–2 показывают триумф человеческого процветания, масштаб которого заведомо не поддается осознанию.

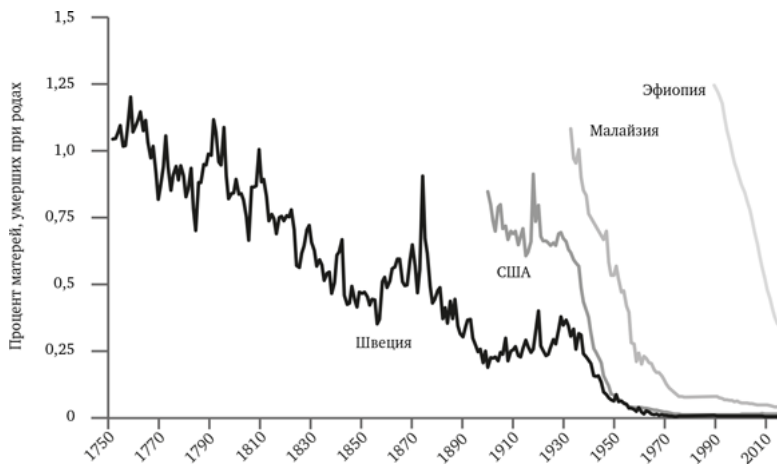

РИС. 5–3. Материнская смертность, 1751-2013

Источник: Our World in Data, Roser 2016p, на основании данных, предоставленных Клаудией Хэнсон с сайта Gapminder, <https://www.gapminder.org/data/documentation/gd010/>

Так же сложно по достоинству оценить грядущую победу человека над другим примером жестокости природы – над материнской смертностью. Неизменно милосердный Бог Ветхого Завета говорил первой женщине так: «Умножая

умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей». До недавнего времени примерно 1 % женщин умирал при родах; век назад беременность представляла для американской женщины примерно такую же опасность, как сейчас – рак груди¹³⁷. Рис. 5–3 показывает изменение материнской смертности с 1751 года в четырех странах, типичных для своих регионов.

С конца XVIII века уровень такой смертности в Европе снизился в триста раз, с 1,2 % до 0,004 %. Этот спад распространился и на другие части света, в том числе и на самые бедные страны, где уровень материнской смертности снижался еще стремительней, но из-за позднего старта на протяжении более короткого времени. Для всего мира этот показатель, упав за последние 25 лет почти в два раза, теперь равен 0,2 % – примерно как в Швеции в 1941 году¹³⁸.

Возможно, вы сейчас задумались, не объясняет ли падение детской смертности абсолютно весь рост ожидаемой продолжительности жизни, показанный на рис. 5–1. Действительно ли мы живем дольше или просто гораздо чаще выживаем в младенческом возрасте? Ведь одно то, что до начала XIX века ожидаемая продолжительность жизни составляла 30 лет, не означает, что все падали замертво в свой тридцатый день рождения. Большое количество дет-

¹³⁷ M. Housel, “50 Reasons We’re Living Through the Greatest Period in World History,” *Motley Fool*, Jan. 29, 2014.

¹³⁸ World Health Organization 2015c.

ских смертей тянуло статистику вниз, перекрывая вклад тех, кто умирал от старости, – но ведь пожилые люди есть в любом обществе. По Библии, «дней лет наших – семьдесят лет», и столько же было Сократу в 399 году до н. э., когда он принял смерть – не от естественных причин, но выпив чашу цикуты. В большинстве племен охотников-собирателей есть достаточно стариков за семьдесят и даже за восемьдесят. При рождении женщина племени хадза имеет ожидаемую продолжительность жизни в 32,5 года, но, дожив до сорока пяти, она может рассчитывать еще на 21 год¹³⁹.

Так действительно ли те из нас, кто пережил испытания младенчества и детства, живут дольше, чем те, кому удалось то же самое в предшествующие эпохи? Да, гораздо дольше. Рис. 5–4 показывает ожидаемую продолжительность жизни британца при рождении и в разных возрастах от 1 года до 70 лет на протяжении последних трех веков.

¹³⁹ Marlowe 2010, p. 160.

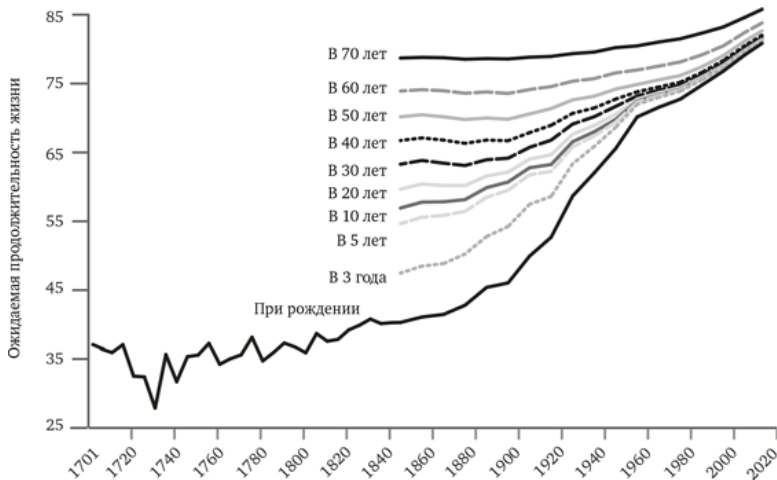

РИС. 5–4. Ожидаемая продолжительность жизни, Великобритания, 1701–2013

Источники: *Our World in Data*, Roser 2016г. Данные до 1845 года относятся к Англии и Уэльсу и собраны проектом *Clio Infra*, van Zanden et al. 2014. Начиная с 1845 года данные представлены за середину каждого десятилетия и взяты из Базы данных по человеческой смертности, <http://www.mortality.org/>

Неважно, какого вы возраста – все равно у вас впереди больше лет, чем у ваших ровесников прошлых десятилетий и веков. Ребенок, переживший опасный первый год, жил бы в среднем до 47 лет в 1845 году, до 57 лет в 1905-м, до 72 лет в 1955-м и до 81 года в 2011-м. Тридцатилетний человек мог

ожидать прожить еще 33 года в 1845 году, 36 лет в 1905-м, 43 года в 1955-м и 52 года в 2011-м. Если бы Сократа помиловали в 1905 году, он мог бы рассчитывать еще на девять лет жизни, в 1955-м – на десять, в 2011-м – на шестнадцать. В 1845 году восьмидесятилетний человек имел в запасе еще пять лет, в 2011-м – девять.

Похожие тенденции, хотя и (пока что) не с такими большими показателями, можно наблюдать во всех регионах мира. Например, десятилетний эфиопский мальчик, родившийся в 1950 году, в среднем должен был дожить до 44 лет; сегодня десятилетний эфиопский мальчик может рассчитывать умереть в 61 год. Экономист Стивен Рэйдлет писал:

Улучшение здоровья бедного населения планеты за несколько последних десятилетий было настолько велико по масштабу и охвату, что его можно назвать одним из величайших достижений человечества. Очень редко базовое благополучие такого большого числа людей во всем мире повышается так сильно и быстро. И тем не менее очень немногие хотя бы осознают, что это происходит¹⁴⁰.

И нет, эти дополнительные годы даны нам не для бессильного просиживания в кресле-качалке. Конечно, чем дольше мы живем, тем больше времени проводим в состоянии старости со всеми ее неизбежными болячками и тяготами. Но тела, у которых лучше получается бороться с натиском

¹⁴⁰ Radelet 2015, p. 75.

смерти, лучше справляются и с менее страшными напастями вроде болезней, травм и общего износа. Чем длиннее наша жизнь, тем дольше мы остаемся энергичными, пускай размер этих выигрышей и не совпадает. Героическим проектом под названием «Глобальное бремя болезней» (Global Burden of Disease) была предпринята попытка измерить это улучшение путем подсчета не только количества людей, умирающих от каждого из 291 недугов, но и числа лет здоровой жизни, потерянных пациентами с учетом того, насколько та или иная болезнь сказывается на их состоянии. По оценке проекта, в 1990 году в среднем по миру человек мог рассчитывать на 56,8 года *здоровой* жизни из 64,5 в целом. К 2010 году, по крайней мере в развитых странах, для которых уже доступна такая статистика, из 4,7 года, что мы прибавили за эти два десятилетия, 3,8 были здоровыми¹⁴¹. Подобные цифры показывают, что сегодня люди живут в добром здравии дольше, чем наши предки в общей сложности. В перспективе очень долгой жизни наиболее пугающей выглядит угроза деменции, но и тут нас ждет приятное открытие: с 2000 до 2012 года вероятность этого заболевания среди американцев старше 65 лет снизилась на четверть, а средний возраст по-

¹⁴¹ Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в мире в 1990 году: Mathers et al. 2001. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в развитых странах в 2010 году: Murray et al. 2012; Chernew et al. 2016. Цифры, характеризующие ожидаемую продолжительность здоровой жизни, в отличие от ожидаемой продолжительности жизни, выросли в США за последнее время.

становки такого диагноза поднялся с 80,7 до 82,4 года¹⁴².

Хорошие новости на этом не заканчиваются. Кривые на рис. 5–4 – не нити вашей жизни, которые две мойры размотали и отмерили, а третья однажды обрежет. Скорее, это проекция сегодняшней статистики, основанная на предположении, что знания в области медицины застынут в текущем состоянии. Не то чтобы кто-то действительно в это верил, но, поскольку мы не имеем возможности предсказывать будущее здравоохранения, нам не остается ничего иного. Это значит, что вы, скорее всего, можете рассчитывать дожить до более солидного возраста – возможно, куда более солидного, – чем тот, что вы видите на вертикальной оси координат.

¹⁴² G. Kolata, “U.S. Dementia Rates Are Dropping Even as Population Ages,” *New York Times*, Nov. 21, 2016.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.